

ОТЧЁТ ДО ДЕЛА

Егор Тайгин

Егор Тайгин
Отчёт до дела

«Автор»

2026

Тайгин Е.

Отчёт до дела / Е. Тайгин — «Автор», 2026

Сторож дачного кооператива Николай Седых признался в убийстве ревизора. Против него — кровь на куртке, мастер-ключ и собственная подпись. Для адвоката Веры Корнеевой дело выглядит безнадёжным, пока она не замечает невозможную деталь: служебный отчёт о результатах проверки начали писать за семь часов до регистрации первого заявления. За готовым обвинением скрываются сбитые часы контроллера, исчезнувшая карта памяти, четвёртый ключ и чужая машина у шлагбаума. Но Николай тоже лжёт — и его ложь может погубить людей, которых он пытался спрятать. Чтобы отделить проступок подзащитного от чужого убийства, Вере придётся раскрыть ошибку собственной команды, поставить под угрозу контракт бюро и доказать, что быстрый результат не заменяет расследование. «Отчёт до дела» — современный процессуальный детектив о цене удобной версии, границах защиты и праве не быть назначенным виновным заранее.

© Тайгин Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Дежурный защитник	6
Глава 2. Кровь на рукаве	8
Глава 3. Закрытый кабинет	14
Глава 4. Пять страниц ответа	19
Глава 5. Арест без вопроса	24
Глава 6. Нулевой входящий	31
Глава 7. Чужие фразы	39
Глава 8. Три ключа	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Егор Тайгин

Отчёт до дела

От автора

У безнадёжного дела часто есть особенность: окружающим кажется, что работа уже выполнена. Признание подписано, ключ найден, отчёт составлен, а человек назначен виновным раньше, чем кто-либо успел задать неудобный вопрос.

Этот роман — о праве на такой вопрос. Не о волшебной уловке адвоката и не о безошибочности защиты, а о проверяемом происхождении каждого вывода. Защитник здесь тоже ошибается, и цена ошибки измеряется не профессиональной гордостью, а чужой безопасностью.

Все герои, учреждения и события вымышлены. Юридические процедуры в романе служат сюжету и не заменяют консультацию специалиста. Главное обещание истории проще: готовый отчёт не должен быть сильнее фактов только потому, что его успели подписать первым.

Глава 1. Дежурный защитник

В два семнадцать ночи безнадёжные дела ещё не назывались безнадёжными. Они назывались срочными.

Телефон разбудил Веру вибрацией. Дежурный координатор сообщил: районный отдел, Николай Седых, пятьдесят семь лет, явка с повинной и неотложный допрос.

— Если есть явка, почему защитника вызвали сейчас?

— Звонок поступил две минуты назад.

Вера записала: «02:17 — уведомление» — и сфотографировала запись рядом с экраном. Привычка выглядела мелочной, пока однажды три минуты не отделили законный разговор от уже полученного признания.

Молодой следователь Березин встретил её в коридоре.

— Ваш подзащитный признался добровольно. Дело простое.

Простота, подумала Вера, была первым выводом, который люди переставали проверять.

Николай Седых сидел без наручников. На правом рукаве тёмной куртки бурело пятно.

Ни куртку, ни ключи пока не изъяли.

Когда они остались одни, он спросил:

— Вы бесплатная?

— Для вас — да. Меня назначило бюро. Это не значит, что я работаю на следователя.

— Все так говорят.

— Не верьте словам. Проверяйте, что я делаю. Вы убили Чарова?

— Подписал, что убил.

— А сделали?

Седых впервые поднял глаза.

— Нет. Хочу забрать признание.

Он нашёл Льва Чарова в правлении. Тело было тёплым. Николай попытался приподнять его, испачкал рукав кровью, затем побежал к воротам.

— Почему не позвонили сразу?

— Телефон в сторожке оставил. В правлении городской не работал.

— Почему к воротам?

— Машину видел.

— Какую?

— Не разглядел.

Три ответа, и каждый короче предыдущего. Здесь начиналось место, которого он боялся больше обвинения.

— Вы можете скрывать от меня что угодно. Но тогда следователь найдёт это сам и назовёт доказательством убийства.

— Уже назвал. Я с поста ушёл. Там люди были.

— Где?

— Неважно.

Вера не стала дожимать. Первый разговор редко давал всю правду; он должен был показать клиенту, что у лжи есть край.

Мастер-ключ от правления был у Николая. Второй хранился у председателя, третий раньше имела управляющая Лариса Ветлугина, но два года назад его якобы списали.

— Что было в признании?

— Что я ругался с Чаровым из-за недостачи. Ударил металлической штукой. Испугался.

— Какой штукой?

— Ограничителем двери.

— Вы знали, чем его ранили?

— Нет. Начальник сказал, экспертиза установит, слова потом поправят.

— Фамилия начальника?

— Руднев.

— Почему подписали?

— Сказали, всё уже закрыто. Показали бумагу, пять страниц, в конце: доводы подтверждены, виновный установлен. Моё имя. Если не буду тянуть, суд учтёт.

— На бумаге уже было ваше имя?

— И Чарова. И время — двадцать три сорок.

— Когда вы увидели тело?

— Без десяти двенадцать. В отдел меня привезли после часа.

Березин заглянул без приглашения.

— Заканчиваем? Начальство ждёт.

— Нужны копия явки, журнал доставленных, записи входа и медицинский осмотр. До получения мой подзащитный показаний не даёт.

Когда он ушёл, Вера попросила Николая осторожно снять куртку. Под бурой полосой была свежая белая краска. На стиге ткань склеилась и разошлась чешуйками.

— Шлагбаум днём красили, — сказал Седых. — Я зацепился, когда к воротам бежал.

— После того, как коснулись Чарова?

— После.

Если кровь находилась под краской, порядок действий можно было проверить независимо. Если поверх — рассказ ломался в первом материальном месте.

Вера заявила ходатайство о немедленном изъятии куртки с описанием слоёв, упаковкой при защите и запретом очищать поверхность до исследования.

— Вы из рукава собираетесь алиби сделать? — спросил Березин.

— Я не дам вам превратить рукав в ответ до исследования.

В три сорок восемь ей выдали копию явки. Начало — 00:35, окончание — 00:52. В последней строке Николай признавал, что нанёс Чарову удар «металлическим ограничителем входной двери, обнаруженным впоследствии при осмотре места происшествия».

Протокол осмотра начинался в 01:10.

В явке, законченной за восемнадцать минут до осмотра, предмет уже был обнаружен впоследствии.

— Опечатка, — сказал Березин.

— Время или будущее?

Он отвёл взгляд.

На улице светало. Помощник Максим прислал фотографию объявления: утром в «Соснах» должно было пройти собрание по недостатке и доверенностям собственников.

Вера села в машину, не включая двигатель. На соседнем месте лежал готовый рассказ о предмете, который официально ещё не нашли. В отделе его считали концом работы.

Для неё это было первое предложение дела.

Глава 2. Кровь на рукаве

К девяти утра куртка Николая успела превратиться в улику трижды.

Сначала — в кабинете, когда Березин написал в протоколе: «с пятнами вещества бурого цвета». Потом — в коридоре, где дежурный сказал другому дежурному, что убийцу взяли в крови. В третий раз — в сводке для начальника: там пятна уже принадлежали потерпевшему, хотя заключения ещё не существовало.

Вера увидела последнюю формулировку на листе, оставленном у принтера. Читать чужие бумаги украдкой она не собиралась; заголовок лежал лицом вверх и был набран таким крупным шрифтом, будто отдел хотел сообщить вывод стенам.

«На одежде Седых обнаружена кровь Чарова».

Ниже стояло время: 08:20.

— Экспресс-исследование уже провели? — спросила Вера.

Березин забрал лист.

— Это внутренняя сводка.

— Внутри кровь определяется быстрее?

— Вы прекрасно понимаете, что это рабочая формулировка.

— Прекрасно. Поэтому приложите к протоколу моё замечание: происхождение пятен на момент изъятия не установлено.

Он посмотрел на неё с усталой неприязнью. За семь часов после убийства отдел уже выстроил удобный порядок: тело, сторож, признание, куртка. Любое уточнение казалось не работой, а задержкой работы.

В кабинете криминалиста было тесно. На столе развернули новый лист упаковочной бумаги. Специалистку звали Ольга Барышева; она говорила мало и, в отличие от Березина, не пыталась объяснить улике, что та означает.

Куртку положили правым рукавом вверх. Бурое пятно тянулось от локтя к манжете неровной полосой. На самом локте белела краска: плотный мазок и несколько брызг, одна почти круглая, две вытянутые. При электрическом свете было видно то, чего Вера не заметила ночью: белое лежало не везде одинаково. У края бурой полосы краска закрывала её узкой коркой, а ближе к шву тёмный след проходил поверх старой белой царапины.

— Здесь два белых слоя? — спросила Вера.

Барышева наклонила лампу.

— Возможно. Старый и свежий. На глаз выводов не будет.

— Прошу отразить разные участки и не объединять их в один образец.

Березин постучал ручкой по столу.

— Защитник руководит осмотром?

— Защитник просит не соскрести одним движением то, что потом назовут единым пятном.

Барышева, не поднимая головы, сказала:

— Раздельно отберём. Так и нужно.

Вера продиктовала замечание спокойнее, чем чувствовала себя. Ей было важно не выиграть спор, а оставить дорожку, по которой позднее сможет пройти эксперт: фотографирование до отбора, схема участков, отдельная упаковка частиц. Она попросила указать, что куртка до девяти утра оставалась на Николае и не была защищена от контакта с мебелью и людьми. Березин возразил, что обвиняемый ни обо что не тёрся. Вера предложила записать именно это — кто наблюдал, с какого времени и непрерывно ли. Возражение исчезло.

На внутренней стороне манжеты Барышева нашла серую пыль и короткую красную нитку.

— Тоже кровь? — спросила Вера.

— Пока это короткая красная нитка.

Она сфотографировала находку с масштабной линейкой.

— Спасибо, — сказала Вера.

Березин усмехнулся:

— Нашли союзника.

— Нет. Нашли человека, который называет вещь тем, чем она является сейчас.

Николая привели на дополнительный допрос без куртки. На нём был серый свитер с растянутым воротом. Он выглядел меньше, будто вместе с одеждой у него изъяли форму тела.

Вера заранее повторила: показаний по обстоятельствам смерти он не даёт до конфиденциальной консультации и получения основных документов. Но один вопрос она разрешила — об одежде и возможных загрязнениях, потому что промедление позволяло обвинению закрепить собственную версию.

— Когда в последний раз стирали куртку? — спросил Березин.

— На той неделе. Не помню день.

— Белая краска откуда?

— От шлагбаума.

— Вы говорили, его красили днём.

— Вчера. Пётр красил, рабочий наш.

— В какое время?

Николай посмотрел на Веру. Не за разрешением ответить — за подсказкой, где скрыта ловушка. Она не знала.

— После обеда начал, — сказал он. — К вечеру не высохло.

— Вы касались шлагбаума до того, как нашли Чарова?

— Днём мог. Я его поднимал.

— Значит, краска могла попасть на куртку раньше крови.

— Могла.

Березин удовлетворённо откинулся на спинку стула. Вера записала ответ дословно. Неприятный ответ был лучше удобного, придуманного после экспертизы.

— А после того, как нашли Чарова? — спросила она.

— Зацепился локтем за стрелу. Она опущена была. Я через неё полез, потому что привод медленный.

— Раньше вы сказали «к воротам бежал».

— Я и бежал.

— Через опущенный шлагбаум?

— Да.

— Зачем перелезать, если вы сторож и можете открыть его?

Николай потёр запястье. На коже осталась широкая красная полоса от вчерашнего ремешка часов.

— Пульт в сторожке. А я из правления выбежал.

— Ключи были у вас?

— Были.

— На связке есть кнопка ручного открытия?

— Нет. Ключ от шкафа привода. Пока откроешь... Машина уже уехала бы.

Березин перебил:

— Какая машина?

— Не видел.

— Цвет?

— Тёмная.

— Марка?

— Не знаю.

— Кто был за рулём?

— Не знаю.

— Удобная машина. Ни номера, ни марки, ни водителя.

Николай замолчал. Вера попросила перерыв.

В комнате для консультаций не было окна. Над столом висела камера с погасшим индикатором; Вера всё равно положила лист бумаги так, чтобы Николай мог отвечать короткими записями. Он написал: «Я не видел водителя». Потом добавил: «Видели другие».

— Те люди, о которых вы говорили ночью?

Он кивнул.

— Они находились в доме, куда вы их пустили?

Ещё один кивок.

— Законно?

Николай взял ручку, но не написал.

— Мне нужно понимать риск, — сказала Вера. — Не имена. Пока не имена. Дом был пустой?

— Хозяева за границей. Третий год не приезжают.

— Вы получили деньги?

— За свет и воду. Немного сверху.

— Сколько людей?

— Двое.

— Они слышали или видели машину?

— Один был во дворе. Курил. Если его найдут, мне конец.

— Если его не найдут, вам могут предъявить убийство. Это не обмен одного конца на другой. Нужно разделить поступки.

Николай сжал ручку.

— У хозяина дома брат в прокуратуре. Ветлугина этим пугала. Сказала: узнает — посадят за кражу.

— Когда сказала?

— Неделю назад. Она знает про ребят.

— Почему не выгнала?

— Просила чинить ей подвал. Бесплатно.

В деле появился первый настоящий рычаг управляющей, но Вера не позволила себе назвать его мотивом. Пока это было только объяснение страха Николая и возможный способ найти свидетеля.

— Запишите адрес дома и как связаться с людьми, — сказала она. — Лист останется у меня. Я сначала выясню, как обеспечить контакт через адвоката. Самостоятельно никого искать вы не будете и никому звонить не станете.

Он долго выводил номер участка. Имён не написал.

Когда допрос возобновился, Николай отказался отвечать о машине. Березин оформил отказ как желание скрыть сообщников. Вера внесла замечание: подзащитный воспользовался правом не свидетельствовать против себя, а предположение о сообщниках следователь высказал без предъявления оснований.

— Вы любое слово превращаете в отдельный документ, — сказал Березин.

— Пока ваши документы знают будущее, приходится следить за каждым словом.

Дверь открыл Руднев. Вера видела его ночью издали, теперь смогла рассмотреть: аккуратная стрижка, чистая сорочка, ни одного движения спросонья. Он выглядел не так, будто провёл ночь в отделе, а так, будто утро началось по его расписанию.

— Аркадий Сергеевич, мы заканчиваем, — сказал Березин.

— Я вижу, что вы только начинаете.

Руднев положил перед Николаем прозрачную папку. На верхнем листе была фотография Чарова у двери правления. Лица почти не различить, зато кровь на рубашке была видна хорошо.

— Узнаёте?

Вера закрыла папку ладонью.

— Допрос ведёт следователь. Если вы участвуете, прошу указать процессуальный статус и внести вас в протокол.

— Я начальник отдела.

— Это должность. В протоколе нужна роль.

Руднев посмотрел на её руку.

— Уберите.

— После того, как следователь объяснит цель предъявления фотографии и зафиксирует его.

Николай сидел неподвижно, но дыхание стало слышно. Вера поняла, как получилась ночная явка: не обязательно кричать, когда можно положить перед человеком мёртвого знакомого и сообщить, что все выводы уже готовы.

Руднев забрал папку.

— Корнеева, вы защищаете человека, на котором кровь жертвы.

— Сейчас на его куртке вещество неустановленного происхождения и два визуально различимых слоя краски.

— Он признался.

— В документе, который в восемнадцать минут до осмотра назвал предмет, обнаруженный при осмотре.

Березин опустил глаза в протокол.

Руднев улыбнулся без радости.

— Думаете, нашли опечатку и развалили дело?

— Думаю, дело нельзя было закрыть до того, как оно появилось.

Улыбка исчезла. Всего на секунду, но Вера увидела не раздражение и не тревогу — узнавание. Он понял, о каком пятистраничном документе рассказал Николай.

— Подзащитный фантазирует, — сказал Руднев.

— Тогда выдайте копию бумаги, которую ему показывали. Фантазию легко опровергнуть отсутствием документа.

— Какой бумаги?

— Где в конце написано: «доводы подтверждены, виновный установлен».

Березин перестал писать. Руднев повернулся к нему:

— Продолжайте по плану.

Он вышел, не спросив, что именно входило в план.

После допроса Вера позвонила Максиму. Он уже был у «Сосен» и говорил вполголоса.

— Шлагбаум действительно белый, — сообщил он. — Свежая секция отличается. Рядом банка, валик засох. Я ничего не трогал.

— Кто красил?

— Рабочий Пётр Лобанов. Его сегодня нет. Управляющая говорит, ушёл после четырёх.

— Камеры?

— Одна на магазине через дорогу, одна у въезда в соседний посёлок. Наша смотрит внутрь и не захватывает дорогу.

— Ничего не проси копировать на флешку. Зафиксируй владельцев, направь адвокатские запросы о сохранении записей. Отдельно — время на устройствах и кто имеет доступ.

— Уже подготовил. Ветлугина хочет с вами поговорить.

— О чём?

— Говорит, Николай давно был агрессивный. И спрашивает, правда ли на нём нашли кровь.

— Не отвечай. Запиши точные слова и время.

— Вера Андреевна, тут ещё краска. На стойке старые белые потёртости, а стрела покрыта новым слоем. Если он днём открывал ворота, мог задеть стойку. А ночью перелезал через стрелу.

— Сфотографируй общим планом с общедоступного места. Не определяй, какой след откуда. Нам нужен осмотр с участием специалиста.

— Понял.

Она услышала в трубке женский голос. Чёткий, требовательный.

— Это Ветлугина?

— Да. Подошла.

— Включи громкую связь и представь меня.

Максим назвал её. Лариса Ветлугина заговорила сразу:

— Вы должны знать, ваш Седых вымогал деньги у правления. Чаров обнаружил недостачу, и Николай ему угрожал.

— Когда и при ком?

— Об этом все знают.

— Я спрашиваю о конкретном случае.

Пауза была короткой.

— На прошлой неделе. В кабинете. Я слышала из приёмной.

— Какие слова сказал Николай?

— Не обязана вам пересказывать.

— Конечно. Следствию уже сообщили?

— Следствие само разберётся.

— Тогда почему сообщаете мне?

— Чтобы вы не строили защиту на краске. Он весь день тёрся у ворот. Там любой мог испачкаться.

Вера посмотрела на закрытую дверь кабинета Барышевой.

— Откуда вы знаете, что защита интересуется краской?

На этот раз пауза продлилась дольше.

— Я управляющая. Мне доложили, что изымали.

— Кто?

— Ваш помощник мешает людям работать. Всего доброго.

Связь оборвалась.

Максим тихо выдохнул:

— Я про краску ей не говорил.

— Кто видел куртку до изъятия?

— Полкооператива могло видеть Николая ночью.

— Но не знать, что мы проверяем порядок слоёв.

Вера попросила его отправить служебную записку о разговоре, пока формулировки не сгладились в памяти. Затем составила два ходатайства: об осмотре шлагбаума со специалистом и об истребовании записей внешних камер за промежуток с одиннадцати вечера до половины первого. В третьем просила установить Петра Лобанова и допросить о времени окраски, составе материала и состоянии стрелы к ночи.

Березин принял бумаги без спора.

— Камера магазина ничего не даст, — сказал он. — Она далеко.

— Вы уже смотрели?

— Оттуда ворота почти не видны.

— «Почти» — это сколько пикселей?

Он поморщился.

— Хорошо. Запросим.

— Сегодня. Перезапись может быть автоматической.

— Не учите.

— Тогда укажите время направления запроса на моём экземпляре.

Он поставил отметку: 10:46.

Вера вышла из отдела только после одиннадцати. У крыльца Максим прислал три фотографии. На первой белая стрела шлагбаума пересекала кадр на высоте человеческого пояса. На второй у стойки виднелась узкая старая царапина, сероватая под пылью. На третьей за оградой правления стояла Лариса Ветлугина в светлом плаще и смотрела прямо в объектив.

Вера увеличила первую фотографию. Свежая краска была содрана с верхнего ребра стрелы короткой дугой. Будто кто-то в тёмной одежде навалился на неё локтем и перенёс часть белого слоя на ткань.

Это ещё не оправдывало Николая. Оно лишь делало его рассказ проверяемым.

Телефон завибрировал. Березин прислал постановление о назначении исследования пятен. В перечне вопросов значилось только два: имеется ли кровь и может ли она принадлежать Чарову.

О краске — ни слова.

Вера развернулась к отделу.

Если исследовать только кровь, куртка снова станет готовым ответом. Чтобы она осталась последовательностью событий, нужно было заставить дело задать третий вопрос: что легло на ткань раньше.

Глава 3. Закрытый кабинет

Третий вопрос появился в постановлении в 12:14.

Березин не признал, что забыл о краске. Он вынес дополнение: определить взаимное расположение наслоений и, если возможно, последовательность их образования. Вера получила копию с подписью и только после этого поехала в «Сосны».

Шлагбаум был поднят. Под ним свободно проезжали машины, и от этого ночной рассказ Николая казался нелепее: зачем взрослому человеку перелезать через стрелу, если её можно поднять? Ответ находился в сторожке. Пульт лежал на столе рядом с журналом въезда, провод зарядки не доставал до окна, а шкаф ручного привода стоял снаружи, за стойкой. От правления до пульта было около ста двадцати шагов. До стрелы — вдвое меньше.

Вера ничего не измеряла сама. Она записала расположение и дождалась Березина с Барышевой. Следователь прибыл через сорок минут, недовольный тем, что защита оказалась на месте раньше него.

— Осмотр уже провели ночью, — сказал он.

— Ночью осматривали место убийства. Шлагбаум в протоколе упомянут одной строкой.

— Потому что Чарова убили не здесь.

— Но обвиняемый утверждает, что здесь получил след поверх крови.

Барышева подошла к стреле. На верхнем ребре свежий белый слой был содран дугой. Ниже виднелись две серые полосы, старые и запалённые. Она поставила номерок, сделала общий и крупный планы.

— Высота девяносто восемь сантиметров, — продиктовала она.

Николай был ростом чуть выше метра семидесяти. Если он перелезал, опираясь локтем, след приходился туда, где на куртке лежала плотная корка краски.

Рабочего Петра Лобанова нашли в соседнем посёлке. Он пришёл сам, пахнувший растворителем и табаком, и с порога объявил, что не желает быть крайним за чужую экономию.

— Мне сказали покрасить, я покрасил. Грунт не купили, погода сырая, оно и полезло.

— Кто поручил? — спросил Березин.

— Лариса Павловна.

— Когда начали?

— В половине третьего. Закончил к шести.

— Стрела поднималась после окраски?

— Раз пять. Я Николая ругал: слой цепляет стойку. Он машины пускал.

— Сам Седых касался краски?

— Рукавом мог. Мы вместе привод смотрели часов в пять.

Березин взглянул на Веру: вот вам краска до крови.

— Каким местом куртки он мог коснуться? — спросила она.

Лобанов показал на левое плечо.

— Наклонялся сюда. Правой рукой крышку держал. Хотя не помню точно.

— На нём была эта куртка?

— Тёмная была. У него все одинаковые.

Вера попросила не превращать предположение в уверенность. Березин записал: свидетель допускает контакт одежды с окрашенной конструкцией днём, конкретный участок одежды не помнит.

— Во сколько краска могла перестать пачкать? — спросил он.

Лобанов обиделся профессионально:

— Я вам лаборатория? Состав дешёвый, сырость, ночью всё могло липнуть.

Этого было достаточно, чтобы ночной перенос оставался возможным. Не доказанным — возможным.

Правление стояло за двумя рядами старых яблонь. Одноэтажное кирпичное здание выросло из бывшей насосной: узкий коридор, приёмная, кабинет управляющей и зал заседаний, который Чаров использовал для работы с документами. Его называли кабинетом, хотя собственная дверь там была только одна и табличка менялась по необходимости.

На двери висел электронный контроллер с накладным считывателем. Ниже сохранилась обычная замочная скважина.

— Открывается картой или мастер-ключом, — объяснила Ветлугина. — После трагедии доступ заблокирован.

Она ждала их в том же светлом плаще, будто не уходила с места после разговора с Максимом. На шее висел красный шнурок с пластиковой картой.

— Ваша карта от этой двери? — спросила Вера.

— От кабинета управляющей и общей калитки. В зал у меня доступа нет.

— Никогда не было?

— Раньше был. После конфликта с ревизионной комиссией Чаров настоял, чтобы мне закрыли вход.

— Когда?

— Весной.

— Какого года?

Ветлугина назвала апрель. Березин записал ответ.

Технический специалист кооператива привёз ноутбук. Его звали Антон Грачёв, и систему доступа он обслуживал по договору. Перед подключением Вера попросила отразить марку контроллера, текущее время на его дисплее и время на независимом устройстве.

— У него нет дисплея, — сказал Грачёв.

— Тогда где видны часы?

Он открыл программу. В правом углу появилось: 10:57.

На телефоне Веры было 13:21.

Березин выпрямился.

— Почему отстаёт?

— Батарейку меняли, — ответил Грачёв. — После отключения сбросилось. Я просил синхронизировать, но здесь интернет слабый.

— Когда меняли?

— Позавчера утром.

— И с тех пор часы отстают на два часа двадцать четыре минуты?

— Сейчас — да. Сначала могли показывать другое.

В журнале было событие: «Мастер-ключ, открытие, 21:17». Ночью эту строку прочитали как подтверждение, что Николай вошёл в зал около четверти десятого. С учётом текущего сдвига открытие приходилось на 23:41 — за девять минут до времени, когда Николай, по его словам, увидел тело.

— Вот, — сказал Березин. — Всё сходится ещё точнее.

— Только если сдвиг постоянный, — возразила Вера. — А специалист говорит, что не знает начального значения после замены.

Грачёв кивнул:

— Могло сброситься на полночь, могло сохранить часть настроек. Надо смотреть журнал питания и конфигурацию.

— Смотрите, — сказал Березин.

— Здесь не буду. Нужно снять копию памяти, посчитать контрольную сумму, работать на образе. Иначе сами изменим журнал подключением.

Вера посмотрела на кабель, уже вставленный в ноутбук.

— Подключение сейчас оставило событие?

Грачёв замер.

— Сеанс администратора оставило.

— Зафиксируйте время этого события и разницу с фактическим временем. Это даст хотя бы одну точку сравнения.

Барышева сфотографировала экран. В журнале появилась строка 10:58, хотя телефон на снимке показывал 13:22. Разница составляла два часа двадцать четыре минуты.

Ночное открытие пока не говорило, кто именно держал ключ. Контроллер различал карты по номерам, но механический цилиндр регистрировал лишь поворот датчика: любой из мастер-ключей выглядел одинаково.

— Сколько ключей изготовили? — спросила Вера.

— Два, — быстро ответила Ветлугина. — У председателя и сторожа.

— Ночью Николай говорил о трёх.

— Третий списали.

— Списали или уничтожили?

— Какая разница?

— Списанный ключ может лежать в ящике. Уничтоженный не может открыть дверь.

Ветлугина поджала губы.

— Уничтожили. Есть акт.

— Где оригинал?

— В бухгалтерии.

— Кто присутствовал?

— Я, председатель и завхоз.

— Как уничтожили?

— Перерезали.

Грачёв тихо сказал:

— Такой ключ не режут. Он стальной.

Все повернулись к нему.

— Что с ним делают? — спросил Березин.

— Обычно стачивают рабочую часть или меняют цилиндр. Если просто погнуть, можно восстановить профиль.

— Значит, сточили, — сказала Ветлугина. — Прошло два года, я не помню каждую мелочь.

Вера записала обе версии.

В кабинете было прохладно. На полу вокруг стола сохранились номерки ночного осмотра, но тело уже увезли. У дальней стены стоял металлический шкаф. Окно выходило на яблони и было заперто изнутри; сетка не повреждена. Других дверей не было.

Именно это делало кабинет «закрытым»: электронный журнал показывал мастер-ключ, окно заперто, а связка Николая находилась при нём. Но закрытый кабинет доказывал только способ входа. Он не доказывал владельца руки.

— Ключ Николая подходит сейчас? — спросила Вера.

— Изъят и упакован, — ответил Березин.

— Ключ Чарова где?

— В кармане его куртки.

— Его положение при осмотре зафиксировано?

Барышева листала фототаблицу.

— Связка в левом внутреннем кармане. Пакет закрыт.

— То есть дверь открыли не его ключом, если после этого никто не вложил связку обратно.

— Или Седых открыл своим, — сказал Березин.

— Или третьим.

Ветлугина стояла у окна. Красный шнурок на её шее качнулся, когда она повернулась.

— Вы всерьёз строите версию на ключе, которого два года нет?

— Пока я выясняю, есть ли подтверждение, что его нет.

— А кровь на стороже вас уже не интересует?

— Интересует всё, что можно проверить.

Вера подошла к двери с внутренней стороны. Рядом с ручкой на косяке был прикручен датчик. Если дверь оставалась открытой дольше тридцати секунд, система должна была записать тревогу.

— В журнале есть незакрытая дверь? — спросила она.

Грачёв проверил экран.

— После открытия в 21:17 закрытие в 21:18. Потом открытие в 21:26 и закрытие в ту же минуту.

Березин оживился:

— Второй раз Седых вышел.

— Либо вошёл другой человек, пока первый был внутри, — сказала Вера.

— Датчик направления не показывает, — подтвердил Грачёв.

С учётом текущего сдвига события соответствовали приблизительно 23:41 и 23:50. Николай называл 23:50 временем, когда нашёл Чарова. Первое открытие могло принадлежать убийце, второе — сторожу. Но если часы после замены шли иначе, обе цифры оставались ненадёжными.

— Есть открытие раньше? — спросила Вера.

— В 18:03 картой Чарова. Закрытие в 18:04.

— И всё?

Грачёв прокрутил журнал.

— В 20:46 карта управляющей. Отказ в доступе.

Ветлугина шагнула к ноутбуку.

— Этого не может быть.

— Номер карты ваш, — сказал Грачёв.

— Я проверяла дверь. После собрания говорили, что замок барахлит.

— Какого собрания? — спросила Вера.

— Подготовительного. Днём.

— В журнале по часам устройства это вечер.

— Вы сами сказали, часы сбиты.

Она была права. Неверное время одинаково мешало обвинять и оправдывать. Вера почувствовала привычное раздражение от улики, которая обещает больше, чем способна дать.

— Сохраняем весь журнал за трое суток до замены батареи и после, — сказала она. — Нужны события с известным внешним временем: приезд доставки, дневное собрание, вызов техника. По ним можно восстановить сдвиг на разных участках.

Березин не возразил. Теперь его тоже занимали два открытия.

В бухгалтерии акт нашли в синей папке «Основные средства». Одна страница, дата двухлетней давности, три подписи. В тексте значилось: «экземпляр мастер-ключа № 3 выведен из эксплуатации и уничтожен механическим способом».

— Вот, — сказала Ветлугина. — Всё оформлено.

Вера прочитала фамилии: Ветлугина, председатель кооператива Савельев, завхоз Круглов.

- Где Круглов?
- Умер прошлой зимой.
- Савельев?
- Живёт в городе. После инсульта почти не говорит.
- Кто готовил акт?
- Бухгалтер. Или я. Не помню.

На листе не было ни фотографии повреждённого ключа, ни отметки о смене цилиндра. Сам предмет не сохранили. Акт подтверждал намерение считать ключ уничтоженным, не физическое уничтожение.

Максим, стоявший в дверях, кашлянул.

— Можно вопрос? В журнале выдачи ключей должна быть запись о возврате третьего экземпляра.

Ветлугина ответила раньше бухгалтера:

- Старый журнал затопило.
 - Когда?
 - Трубу прорвало три года назад.
 - Но акт составлен два года назад. Откуда взяли номер экземпляра?
- В комнате стало тихо. Бухгалтер переложила ручку с места на место.
- Наверное, была опись, — сказала Ветлугина.
 - Покажите, пожалуйста, — попросила Вера.

Описи не нашли.

Перед уходом Грачёв сохранил образ памяти контроллера и оформил передачу носителя. Вера получила копию протокола. На крыльце Максим показал ей ответ магазина: запись за ночь сохранена, выдадут по официальному запросу. Камера действительно захватывала край шлагбаума и дорогу.

- Уже что-то посмотрели? — спросила Вера.
- Владелец отказался без следователя. Я не настаивал.
- Правильно.

Березин вышел следом. Он позвонил владельцу магазина, назвал номер материала проверки и договорился забрать запись через час.

- Поедете? — спросил он Веру.
- Если допустите при осмотре.
- Допущу. Только без лекций про пиксели.
- Будут замечания про время устройства.

Он почти улыбнулся.

Вера оглянулась на дверь правления. Ночью отдел увидел одну строку журнала и один ключ у сторожа. К полудню строк стало две, время перестало быть временем, а отсутствующий ключ оказался подтверждён только бумагой без проверяемой истории.

Закрытый кабинет не открылся. Зато перестал быть закрытым вопросом.

Глава 4. Пять страниц ответа

На записи магазина шлагбаум занимал правый край кадра и был похож на белую спичку. В центре круглосуточно светилась витрина, слева проходила районная дорога. Лица камеры не различала, номера машин превращались в серые прямоугольники.

Березин остановил видео на отметке 21:28.

— Опять часы неверные.

Владелец магазина пожал плечами:

— У нас на кассе правильные. На камере никто не выставлял после отключения.

— Когда отключали электричество?

— Вчера утром минут на сорок.

Вера попросила найти момент открытия магазина. В 05:36 по камере продавщица подняла роллету; кассовая смена, по чеку, началась в 07:58. Разница была два часа двадцать две минуты. Для грубой привязки этого хватало, но каждый интересующий эпизод предстояло сопоставлять с независимым временем.

Они перемотали к одиннадцати вечера. В 21:21 по записи к «Соснам» свернула тёмная машина. Камера поймала только заднюю часть кузова и правый фонарь.

— Универсал, — сказал Березин.

— Или небольшой кроссовер, — возразил владелец.

— В протоколе лучше форма кузова без марки, — сказала Вера.

В 21:29 машина появилась снова. Белая спичка шлагбаума опустилась перед ней. Почти сразу в кадр вбежал человек. Он не обошёл стрелу, а навалился на неё и перекинул ногу. Машина рванула к дороге. Человек ударил ладонью по заднему стеклу и отступил.

Березин приблизил изображение. Лицо распалось на квадраты, но одежда была тёмной, рост и сложение соответствовали Николаю. На правом локте после контакта со стрелой возникло светлое пятно.

— Это может быть пересвет, — сказал Вера прежде, чем следователь успел назвать его краской.

— Но движение он описал точно.

— Да.

Первое независимое подтверждение Николая оказалось не торжественным. Никто не сказал, что он невиновен. На экране просто повторилось движение, о котором отдел ещё утром говорил как об удобной выдумке.

Они просмотрели десять минут до въезда машины. Человек к воротам не подходил. Значит, водитель мог попасть внутрь не через главный въезд либо находился в кооперативе раньше. В 21:18 камера уловила свет фар за деревьями, но определить направление было нельзя.

— Изымем оригинал регистратора, — решил Березин.

— Лучше скопировать штатным способом с фиксацией и сохранить сам носитель, если специалист сочтёт нужным, — сказала Барышева. — Магазин без камер оставлять незачем.

Березин согласился. Он уже меньше спорил с процедурой, когда та давала ему новую машину вместо старой уверенности.

В отдел вернулись после трёх. В канцелярии Веру ждало уведомление: её ходатайство о выдаче документов частично удовлетворено. Копию явки она получила; сведения о входе в отдел обещали предоставить позже; служебный отчёт, который показывали Николаю, «в материалах проверки отсутствует».

Формулировка не утверждала, что документа не существует. Только что его нет в папке, к которой допустили защиту.

Максим сидел в приёмной с ноутбуком на коленях.

— Я нашёл регистрацию первого заявления, — сказал он. — Не сам документ, только карточку на портале обращений. Входящий присвоен сегодня в 06:43.

— Какой портал?

— Публичная проверка статуса по коду заявителя. Код был на фотографии объявления Чарова — он вчера вывесил копию обращения на доске. Я ввёл номер, система показывает дату регистрации.

— Сделай скриншот с адресной строкой, временем доступа и полным экраном. Потом заверим осмотром у нотариуса, если карточку могут изменить.

— Уже записал экран. Там ещё странность: статус «ответ подготовлен» появился в 00:11.

— До регистрации?

— Если время сервера одно и то же — да.

Вера не позволила себе радоваться. Публичный портал мог отображать миграцию данных, техническую очередь, московское время или ошибку интерфейса. Но он давал направление запроса: журналы событий, часовой пояс, версии карточки.

— Нужна не картинка с сайта, а ответ владельца системы, — сказала она. — Кто администратор?

— Областное управление.

— Готовь адвокатский запрос о сохранении журнала. Не просим раскрывать содержание проверки — только время создания карточки, изменения статуса и идентификаторы пользователей.

В этот момент из кабинета вышел Руднев.

— Корнеева, ко мне.

Он не предложил сесть. На столе лежала папка, похожая на ту, которую он утром показывал Николаю, но верхнего листа не было видно.

— Вы направляете запросы в управление по материалу, который ведёт мой отдел?

— Запрос о сохранении технических данных направит адвокатское бюро.

— Основание?

— Публичная карточка обращения показывает ответ до регистрации входящего.

Руднев протянул руку:

— Покажите.

— После того, как зафиксируем источник и получим официальный ответ.

— То есть у вас ничего нет.

— У вас есть пятистраничный отчёт?

— Мы уже обсуждали фантазии Седых.

— Тогда почему вы не ответили, что отчёт никогда не создавался? Вы написали: отсутствует в материалах.

Руднев сел. Его молчание длилось ровно столько, сколько нужно человеку, чтобы сменить объяснение.

— Существуют шаблоны внутренних докладов. Сотрудники заполняют их по типовым ситуациям. Это не процессуальные решения и к вашему клиенту отношения не имеют.

— В шаблоне были фамилии Чарова и Седых?

— Я не видел документ, о котором вы говорите.

— Но знаете, что это шаблон.

Он посмотрел на часы.

— Разговор закончен.

Вера вышла, запомнив новую версию: документ существует как типовой, но Руднев его не видел. Две фразы плохо помещались рядом.

Максим ждал в коридоре.

— Он удалит журнал?

— Не говори так без оснований. Отправляй требование о сохранении сейчас, с электронной подписью бюро и дублированием в канцелярию. Копию — в управление собственной безопасности как уведомление о риске утраты цифровых данных. Только факты, без обвинений.

Через двадцать минут канцелярия зарегистрировала запрос. Ещё через семь Максиму позвонили из областного управления.

Системный администратор не раскрывал сведения по телефону, но подтвердил получение требования и сообщил, что резервные журналы хранятся централизованно. Удалить их из районного отдела нельзя. Официальный ответ обещали после согласования.

— Теперь можно выдохнуть? — спросил Максим.

— Теперь можно ждать не так нервно.

Ответ пришёл неожиданно быстро, но не от управления. В 16:08 Березин вызвал Веру в кабинет и положил перед ней распечатку служебного файла.

Пять страниц. Заголовок: «О результатах проверки доводов председателя ревизионной комиссии СНТ «Сосны»». В первом абзаце говорилось о недостатке и конфликте со сторожем. На четвёртой странице появлялось убийство Чарова, хотя предметом исходного обращения были кражи и доверенности. В последнем абзаце: «Доводы подтверждены, виновное лицо Седых Н. П. установлено, материал подлежит передаче для принятия процессуального решения».

— Откуда файл? — спросила Вера.

— Руднев распорядился приобщить как рабочий проект, чтобы прекратить ваши спекуляции.

— Электронный носитель?

— Будет осмотрен.

— Кем и когда обнаружен?

— На сетевом диске отдела.

— Прошу участвовать в осмотре и привлечь специалиста. До этого не открывать оригинал с правами записи.

Березин помолчал.

— Уже открывали.

— Кто?

— Руднев прислал мне по внутренней почте.

— Тогда сохраняйте серверную копию, письмо с заголовками и резервную версию. Метаданные файла на вашем компьютере покажут только получение.

Он провёл ладонью по лицу.

— Вы понимаете, что это мог быть обычный шаблон?

— Шаблон с фамилией убитого, временем смерти и именем подозреваемого — уже событие. Вопрос только когда и кем он заполнен.

На полях распечатки стояли правки красным: заменить «убийство» на «причинение смерти», убрать фразу о признании до его процессуального оформления, уточнить время обнаружения. Внизу второй страницы сохранился комментарий: «А. С., цифры по срокам оставляем для квартала?»

— Кто автор комментария? — спросила Вера.

— Не знаю.

— Инициалы Руднева — А. С.?

— Да.

Это ничего не доказывало само по себе. Но шаблон постепенно приобретал адресата.

Осмотр начали в серверной областного управления по видеосвязи. На месте работал администратор Михаил Артемьев, в отделе присутствовали Березин, Барышева, Вера и поня-

тые. Артемьев объяснил: сетевой каталог ежедневно копируется; система хранит историю версий за тридцать суток. Он нашёл файл с названием «ответсосныитог».

— Текущая версия создана сегодня в 07:12, — сказал он.

Руднев, присоединившийся к осмотру, усмехнулся:

— Вот и весь ваш заговор. После события.

— Есть предыдущие версии? — спросила Вера.

Артемьев открыл историю.

Строк было шесть.

Самая ранняя: вчера, 17:36.

До первого заявления оставалось больше тринадцати часов. До смерти Чарова — около шести.

Вера не посмотрела на Руднева. Она следила, чтобы Барышева сняла весь экран, путь к каталогу, системное время и идентификатор версии.

— Откройте раннюю копию только для чтения, — сказал Березин.

Артемьев создал экспорт и назвал контрольную сумму. Первая версия состояла из трёх страниц. В ней не было убийства и имени Николая, зато уже был вывод: доводы Чарова не нашли объективного подтверждения, нарушения учёта носили технический характер, дополнительная проверка не требовалась.

— Это ответ на старое обращение, — сказал Руднев. — Чаров жаловался несколько раз.

— Где входящий по старому обращению? — спросил Березин.

— В канцелярии.

Вторая версия появилась вчера в 22:14. Четыре страницы. В неё добавили абзац о конфликте Чарова со сторожем и фразу: «вероятным источником недостачи является несанкционированный доступ Седых».

Третья — сегодня в 00:07. Уже после предполагаемой смерти, но до доставления Николая. Здесь впервые появилось его полное имя и время 23:40. Формулировка о виновном лице ещё отсутствовала.

Четвёртая — 00:29. За шесть минут до начала явки с повинной. В ней появился металлический дверной ограничитель.

Николай в этот момент, согласно журналу доставленных, находился в коридоре отдела и ещё ничего не подписывал.

— Откуда у автора сведения об ограничителе? — спросила Вера.

Березин не ответил. Протокол осмотра места начался только в 01:10.

Пятая версия — 00:58. Восемь минут после окончания явки. Пять страниц, готовый виновный, фраза о добровольном признании.

Шестая — утренняя, с осторожными правками.

— Покажите учётную запись автора изменений, — сказал Березин.

Артемьев открыл свойства. Первые две версии сохраняла учётная запись начальника отдела. Начиная с 00:07 — учётная запись Березина.

Следователь побледнел.

— Я не создавал этот файл.

Руднев заговорил спокойно:

— Рабочие компьютеры используются сотрудниками смены. Пароли иногда остаются активными. Это нарушение дисциплины, не преступление.

— Кто работал под моей записью? — спросил Березин.

— Установим.

— Металлический ограничитель появился до осмотра.

— Информация могла поступить от оперативной группы по телефону.

Барышева подняла голову:

— Я нашла ограничитель в 01:24. До этого он лежал за дверью и на общих кадрах не просматривался.

Руднев впервые повысил голос:

— Вы специалист, а не участник дискуссии.

— Поэтому сообщаю время фиксации.

Вера попросила включить реплику в протокол. Березин включил.

Осмотр завершился после семи. Все шесть версий экспортировали отдельно, рассчитали контрольные суммы и записали на два носителя. Один приобщили, второй опечатали для резервного хранения. Вера получила копию протокола, но не сами файлы — вопрос о выдаче обещали решить постановлением.

У крыльца Березин закурил, хотя ночью говорил, что бросил.

— Я правда не делал правки, — сказал он.

— Тогда вам нужен собственный представитель и точные показания о доступе к компьютеру.

— Вы мне адвоката советуете?

— Советую не объяснять чужие действия догадками.

Он посмотрел на окна второго этажа.

— Аркадий Сергеевич велел открыть заготовку и продолжить. Сказал, там шапка и сведения по старым жалобам. Компьютер был уже включён. Я диктовал явку, за столом сидел опер. Потом ушёл за кофе.

— Зафиксируйте всё по времени. Не для меня — для проверки доступа.

— Если скажу, отдел выставят посмешищем.

— Если не скажете, ваша учётная запись останется автором предмета, которого ещё не нашли.

Он бросил сигарету в урну.

Пять страниц не доказывали, кто убил Чарова. Они доказывали другое: отдел отвечал на каждое новое обстоятельство раньше, чем оформлял его появление, и подгонял старый ответ под нового виновного.

Вера открыла блокнот и провела три отдельные линии.

Первая: кто и зачем заранее закрывал жалобы Чарова.

Вторая: кто входил в кабинет двумя открытиями мастер-ключа.

Третья: кто сидел в тёмной машине, которую Николай пытался остановить.

Если свести их в одну слишком рано, получится ещё один готовый отчёт. Поэтому она оставила между линиями пустое место.

Глава 5. Арест без вопроса

К девяти утра следственный отдел успел превратить ночную растерянность в аккуратную папку.

На первом листе лежало ходатайство об избрании меры пресечения. За ним — протокол явки, фотографии куртки, справка о судимости, которой у Николая не было, и характеристика из кооператива, составленная Ларисой Ветлугиной. В характеристике сторож назывался нелюбимым, конфликтным и склонным «к непредсказуемым действиям в состоянии эмоционального напряжения».

Вера прочла последнюю фразу дважды. Она выглядела не наблюдением человека, который тридцать лет знает соседа, а заготовкой для судебного заседания.

— Когда она это написала? — спросила Вера.

Березин перевернул лист и показал входящий штамп: восемь двадцать.

— Сама привезла?

— Передала с водителем кооператива.

— Вы её просили?

— Руднев запросил документы о личности.

— Только у человека, чья карта вчера не открыла дверь?

Березин потёр переносицу. После ночного осмотра файла он не уходил домой. Рубашка на нём высохла неровными складками, а голос стал осторожным, будто каждая фраза тоже сохранялась в истории версий.

— Корнеева, ходатайство подписано. В одиннадцать суд.

— Мне нужны копии всего, что вы направили.

— Получите.

— До заседания, а не после.

— Я сказал — получите.

На двадцати двух страницах ходатайства тёмная машина занимала одну строку: «Довод подозреваемого о якобы покинувшем территорию автомобиле проверяется». Два открытия двери не упоминались. Сбой часов контроллера назывался несущественным. Про историю служебного файла не было ни слова.

Зато четыре абзаца посвящались тому, что Николай знал распорядок Чарова, имел мастер-ключ и признался добровольно. Следователь просил заключить его под стражу на два месяца: тяжесть обвинения, возможность скрыться, оказать давление на свидетелей и уничтожить ещё не найденные доказательства.

— Какие именно доказательства он может уничтожить из изолятора временного содержания? — спросила Вера.

— Если его отпустят.

— Я понимаю условие. Спрашиваю о предмете.

Березин отвёл взгляд к окну.

— Орудие не найдено. Носитель диктофона Чарова тоже.

— Откуда вам известно, что носитель существовал отдельно?

— В диктофоне нет карты памяти.

— Это есть в протоколе осмотра?

— Будет дополнительный осмотр.

Вера записала: диктофон без карты. Вчера среди предметов у тела она видела небольшой чёрный корпус в прозрачном пакете, но о его содержимом никто не говорил. Новая пустота пока не объясняла убийство. Она только показывала, что папка снова выбирала, что считать важным.

- Кто свидетели, на которых Николай может давить?
 - Члены правления.
 - Ветлугина?
 - В том числе.
 - Она дала показания против него?
 - Не обязан раскрывать вам все материалы проверки.
 - Тогда в суде вы просите поверить в безымянный риск.
- Березин закрыл папку.
- В суде и обсудим.

Николая привели в комнату для защитников без ремня и шнурков. Он сел, спрятал руки между коленями и первым спросил не о суде:

- Машину нашли?
- Нет. Запись подтверждает, что она выехала и вы пытались её остановить.

Он поднял голову.

- Значит, отпустят?

— Значит, одно ваше объяснение получило независимое подтверждение. Это не одно и то же.

Вера положила перед ним ходатайство и коротко объяснила основания ареста. Николай слушал молча, только на фамилии Ветлугиной пошевелил губами.

- Она написала характеристику, — сказала Вера. — Конфликтным вас называет.
- Я ей два раза говорил, что ворота ночью надо закрывать. Вот и весь конфликт.
- Два раза за тридцать лет?
- За последнюю неделю.
- Почему именно сейчас?

Он снова сложил плечи внутрь.

- После краж.

- Каких?

— По домам лазили. Инструмент, насосы. Все на меня смотрели: сторож, значит, должен был видеть.

- Чаров обвинял вас?
- Сначала да. Потом перестал.
- Почему?

Николай провёл большим пальцем по краю стола.

- Не знаю.

Ложь у него была не искусной, а упрямой. Он не придумывал подробностей — просто ставил стену там, где начиналась опасная для него часть.

- Потому что увидел строителей в пустом доме?

Николай поморщился.

- Я вам уже сказал.
- Вы сказали, что поселили их. Не сказали, как это связано с кражами.
- Никак. Они не воры.
- Тогда почему Чаров перестал подозревать вас?
- Спросите у него.

Он тут же понял, что сказал, и отвернулся.

Вера не стала заполнять тишину утешением.

— Сегодня решают не вопрос вашей виновности. Суд будет оценивать, можно ли обеспечить расследование более мягкой мерой. У вас есть жильё?

- Дом в Соснах. Полдома. После матери.
- Документы у кого?

- В правлении копия. Оригинал дома, в синей коробке над холодильником.
- Родственники, которые готовы поручиться, принять вас под домашний арест?
- Сестра в Калуге. Мы не разговариваем.
- Телефон?

Он назвал номер по памяти. Максим уже собирал справки: регистрация, трудовой договор, выписки из поликлиники, подтверждение, что Николай ухаживал за матерью до её смерти и последние четырнадцать лет никуда не уезжал дольше недели. Такая биография не делала его хорошим человеком. Она делала риск побега проверяемым, а не ритуальным.

— На заседании прокурор прочитает признание, — сказала Вера. — Я заявлю, что вы от него отказались и оно получено без защитника. Не спорьте с прокурором и не объясняйте ничего сами, если я не попрошу. Если судья задаст вопрос, отвечайте на вопрос, а не на всю жизнь.

— А про тех двоих?

— Если вас спросят, кто был в кооперативе, лгать нельзя. Но добровольно называть их до того, как мы обеспечим безопасность и надлежащую фиксацию показаний, я вам не советую.

— Значит, из-за меня их найдут.

— Из-за убийства Чарова проверяют всех, кто находился рядом. Разница только в том, найдут их как возможных свидетелей или как людей, которых вы использовали для ложного алиби.

Николай поднял глаза.

— У меня нет алиби.

— Тогда перестаньте вести себя так, будто прячете именно его.

Перед выходом он спросил:

— Вы верите, что я его не бил?

— Для вашей защиты мне не нужна вера. Мне нужно, чтобы обвинение отвечало на вопросы, а вы не создавали новые ложью.

— Удобно.

— Нет. Просто честнее обещания спасти вас любой ценой.

Зал районного суда был рассчитан на восемь человек. На скамье у стены уже сидели Ветлугина и мужчина в серой куртке — тот самый водитель кооператива, который привёз характеристику. Увидев Веру, управляющая встала.

— Я пришла поддержать следствие, — сообщила она, хотя Вера не спрашивала. — Люди боятся. У нас дети, пожилые.

— Кто именно боится?

— Все.

— Вы опрашивали всех между восемью утра и заседанием?

Ветлугина поджала губы.

— Не надо делать вид, будто вы защищаете посёлок. Вы защищаете убийцу.

— Я защищаю человека, виновность которого не установлена судом.

Мужчина в серой куртке смотрел в телефон. На его связке ключей висел красный тканевый шнур. Обычная рекламная лента, потрёпанная у кольца. Вера отметила её машинально и тут же одёрнула себя: цвет шнура ничего не означал. В кооперативе могли быть десятки таких лент.

— Это ваш водитель? — спросила она.

— Завхоз Павел Гущин. И не пытайтесь его запугивать.

— Я спросила имя.

Секретарь пригласила участников. Ветлугина осталась за дверью: заседание объявили закрытым на время исследования персональных данных. Она потребовала допустить её как

представителя потерпевшего кооператива, но судья Елена Савицкая объяснила, что процессуального статуса у неё пока нет.

Прокурор Лапшин читал ходатайство ровным голосом, без пауз на сомнение. Николай обвинялся в особо тяжком преступлении, был задержан вскоре после случившегося, на его одежде обнаружена кровь погибшего, кабинет открыт мастер-ключом, а сам он сообщил обстоятельства нападения.

— Кроме того, — продолжил прокурор, — подозреваемый не указал всех лиц, находившихся на территории товарищества, что свидетельствует о намерении препятствовать установлению истины.

Вера посмотрела на Березина. Значит, их конфиденциальный разговор о строителях уже превратился в довод обвинения. Следователь не мог слышать беседу в комнате защитников, но Николай, вероятно, проговорился раньше — или Руднев понял достаточно из его страха.

— Источник этого сведения? — спросила судья.

Лапшин перелистнул материалы.

— Рапорт оперативного сотрудника о противоречивом поведении задержанного.

— Сам рапорт приложен?

— На листе семьдесят четвёртом.

Судья нашла лист. Вера получила копию только сейчас. В рапорте говорилось, что Николай «неоднократно оглядывался в сторону домовладения номер восемьдесят четыре и отказывался назвать возможных очевидцев». Ни времени, ни обстоятельств наблюдения не было.

— Когда составлен рапорт? — спросила Вера.

Березин ответил:

— Сегодня в восемь десять.

— Кем?

— Оперуполномоченным Крыловым.

— Тем, кто находился за компьютером при оформлении явки?

В зале стало тихо.

— Это не установлено, — сказал Березин.

— Вчера вы сообщили, что за столом сидел оперативный сотрудник. Я прошу уточнить, был ли это Крылов.

Прокурор возразил: вопрос выходит за пределы меры пресечения. Судья посмотрела на часы и разрешила ответить.

— Крылов, — сказал Березин.

Вера попросила приобщить письменные возражения. В них не было заявления, что Николай добр и потому должен быть свободен. Были даты, часы и документы.

Запись магазина подтверждала его появление у шлагбаума после выезда тёмной машины. Контроллер двери имел установленный временной сдвиг и фиксировал два открытия, не позволяя определить экземпляр ключа. Акт об уничтожении третьего ключа не сопровождался описью. Служебный файл с готовым выводом существовал до оформления признания и дополнялся сведениями до их процессуальной фиксации. Учётная запись следователя использовалась на компьютере с открытым доступом, а тот же оперативный сотрудник теперь составил рапорт о поведении Николая.

— Защита не просит суд разрешить вопрос о виновности, — сказала Вера. — Мы просим не считать спорные материалы готовым ответом. Риски должны подтверждаться фактами. У Седых постоянное жильё в том же районе, длительная работа, нет заграничного паспорта, судимостей и попыток скрыться. После обнаружения тела он не уехал, а направился к воротам и оказался задержан на территории. Свидетели, на которых он якобы может воздействовать, в ходатайстве не названы. Предметы, которые он будто бы способен уничтожить, не индиви-

дуализированы. Возможны домашний арест, запрет определённых действий, залог. Если следствие считает необходимым исключить контакты — суд может установить конкретные запреты.

— Подозреваемый скрывает очевидцев, — напомнил Лапшин.

— Рапорт говорит только о взгляде в сторону дома. Он не подтверждает существование очевидцев и тем более давление на них.

Савицкая спросила Николая:

— Вы намерены скрываться?

— Нет.

— Почему дали признательные показания, а затем отказались?

Николай повернулся к Вере. Она едва заметно кивнула: отвечать можно, но коротко.

— Мне сказали, если подпишу, других не тронут.

— Каких других?

Вот он, вопрос, к которому всё шло.

Николай сжал пальцы.

— Я не могу сказать.

Прокурор откинулся на спинку стула. Судья сделала запись.

Вера поднялась.

— Прошу учесть, что отказ раскрыть сведения сам по себе не доказывает намерения воспрепятствовать. Мой подзащитный вправе не свидетельствовать против себя. Защита готова передать сведения о возможных свидетелях следователю при процессуальных гарантиях и после согласования с ними представителя.

— Люди не выбирают, быть им свидетелями или нет, — сказал Лапшин.

— Но закон позволяет обеспечить их безопасность и участие адвоката. Именно об этом речь.

Судья удалилась в совещательную комнату. Николая вывели в стеклянное ограждение, хотя до решения он формально ещё не был заключён под стражу. Конвойный закрыл дверцу.

Максим передал Вере телефон с сообщением от сестры Николая: «Приму его, если суд разрешит. Адрес подтверждаю». Ниже была фотография паспорта и свидетельства на квартиру.

— Опоздали на пять минут, — прошептал он.

— Подадим через канцелярию до оглашения. Пусть будет в деле для апелляции.

— Думаете, арестуют?

— Судья задала вопрос о других людях и не спросила ни об одном временном несоответствии.

Это не было предсказанием. Только наблюдением за тем, какой риск в зале оказался понятнее: неизвестные люди, которых Николай покрывал, или неизвестный автор отчёта, который знал всё заранее.

Савицкая вернулась через сорок минут. В мотивировочной части она перечислила доводы защиты: постоянное место жительства, отсутствие судимостей, спорность времени электронных записей, наличие автомобиля на видеозаписи и готовность сестры принять Николая. Потом назвала их недостаточными.

Тяжесть обвинения сама по себе не была основанием, произнесла судья, но в совокупности с данными о возможном сокрытии свидетелей, найденными предметами и доступом Николая к территории создавала риск воспрепятствования расследованию. Домашний арест не исключал общения с жителями кооператива. Запреты суд счёл недостаточными.

Николая заключили под стражу до двадцать второго ноября.

Он выслушал решение спокойно. Только когда конвойный коснулся его локтя, спросил:

— А про машину она ничего не сказала?

Судья уже собирала бумаги.

— Указала, что довод подлежит проверке, — ответила Вера.

— Значит, как будто её нет.

— Она есть. Просто сегодня этого оказалось недостаточно.

— Вы говорили, вопросы важны.

— Важны. Даже когда суд на них пока не ответил.

Он посмотрел на неё через стекло.

— Докажите тогда не то, что я хороший. Я не хороший. Докажите минуты.

— Каждую, — сказала Вера.

После заседания Березин догнал её у лестницы.

— Вы собираетесь обжаловать?

— Сегодня.

— Ваша машина ничего не опровергает. Седых мог ударить Чарова и потом побежать к воротам.

— Мог. А мог найти его после нападения. Поэтому нужно устанавливать время смерти, маршрут автомобиля и оба открытия двери, а не выбирать удобное.

— Экспертиза будет.

— С каким интервалом?

— Предварительно между одиннадцатью и полуночью.

— Тогда десять минут между открытиями имеют значение.

Березин оглянулся на прокурора, спускавшегося следом.

— Я направлю запрос по камерам на выездах.

— И по телефонным соединениям людей, которые находились в правлении.

— Вы уже знаете, кого хотите обвинить?

— Нет. Поэтому список должен определяться данными, а не моей догадкой.

На улице Ветлугина разговаривала с журналисткой местной газеты. Увидев Веру, она повысила голос:

— Суд подтвердил обоснованность обвинения. Жители могут спать спокойно.

Вера остановилась.

— Суд избрал меру пресечения. Виновность он не устанавливал.

Журналистка подняла диктофон:

— Вы считаете, задержан невиновный?

— Я считаю, что расследование обязано проверять факты, которые не помещаются в первоначальную версию.

— Например?

Назвать историю файла публично означало предупредить того, кто пользовался чужими учётными записями. Назвать тёмную машину — заставить владельца избавиться от неё. Вера отказалась от красивого ответа.

— Эти факты представлены следствию и суду. Комментировать доказательства до их проверки я не буду.

Ветлугина улыбнулась так, будто молчание было поражением.

Уже в машине Максим открыл проект жалобы.

— На чём строим?

— Суд перечислил альтернативы, но не объяснил, почему конкретные запреты не работают. Не установил свидетелей, риск давления на которых считает реальным. Сослался на ненайденные предметы без связи Николая с возможностью их уничтожить. И превратил его молчание в подтверждение риска.

— Отчёт приложим?

— Протокол осмотра истории версий и письменные возражения. Сам файл нам пока не выдали.

— Заголовок жалобы какой?

— Обычный. Здесь не реклама.

Максим начал печатать. Вера смотрела на крыльцо суда, где Ветлугина закончила интервью и села на заднее сиденье машины кооператива. За рулём был Павел Гущин. На зеркале качалась красная лента, такая же, как на его ключах.

Автомобиль выехал со стоянки направо. Тёмно-синий, почти чёрный в тени.

Максим тоже посмотрел ему вслед.

— Похож?

— На записи видно только тёмный кузов и свет фар.

— Но проверить стоит.

— Марку, номер, кто пользовался в ночь убийства и где машина была после полуночи. Через официальный запрос и открытые источники. Не решай заранее, что мы нашли водителя.

Она записала номер. Потом открыла блокнот на странице с тремя линиями и рядом с тёмной машиной поставила первый проверяемый знак, не имя.

Арест не ответил ни на один вопрос. Он только дал готовой версии ещё два месяца, чтобы выглядеть правдой.

Глава 6. Нулевой входящий

Утром жалоба на арест ушла в суд, а к полудню Вера получила ответ, которого не должно было существовать.

На бланке районного следственного отдела сообщалось, что обращение Льва Чарова о возможных нарушениях в товариществе «Сосны» зарегистрировано шестнадцатого сентября в 06:43. Ниже стоял номер, начинавшийся с двух нулей. Такой же номер был указан в карточке, которую Максим нашёл накануне. Разница состояла в одной строке: «Решение по материалу принято в 01:12».

За пять с половиной часов до регистрации.

— Они сами это написали? — спросил Максим.

Он стоял у её стола с двумя бумажными стаканами и осторожностью человека, который боится расплескать не кофе, а чужую ошибку.

— Ответ сформировала канцелярия, — сказала Вера. — Не они принимали решение.

— Но время видят?

— Теперь увидят. Если станут читать собственный ответ.

Вера положила рядом копию протокола осмотра истории файла. В 17:36 предыдущего дня в документе уже были закрыты жалобы Чарова. В 22:14 появилось имя Николая. В 00:58 возник окончательный вывод. В 01:12, судя по новой справке, кто-то отметил решение по материалу, которого в регистрационной системе ещё не было. В 06:43 обращению присвоили входящий номер.

Последовательность была ясной только на бумаге. В жизни за каждым временем стояло действие: кто-то открыл файл, кто-то выбрал формулировку, кто-то нажал кнопку в системе. Если назвать всё это одной «технической ошибкой», действия исчезали, оставалась неисправная машина, которую нельзя допросить.

— Звонила заведующая канцелярией, — сказал Максим. — Просила считать ответ предварительным. Сказала, у них миграция базы.

— Когда была миграция?

— В мае.

— Запиши разговор служебной запиской. Без оценок. Время звонка, номер, точные слова.

— Уже.

Он показал экран. Максим учился быстро, особенно после тех случаев, когда ему казалось, что он уже научился всему.

— Нам ехать туда?

— Сначала запросим основание каждого поля. Дата фактического поступления, способ доставки, кто внёс карточку, из какого журнала перенесли сведения, что означает решение в 01:12. И отдельно — журнал входящей корреспонденции за шестнадцатое число.

— Они дадут?

— Возможно, не дадут. Отказ тоже фиксирует позицию.

Телефон Веры завибрировал. Звонил Березин.

— Вы устроили проверку канцелярии? — спросил он вместо приветствия.

— Я получила ответ на адвокатский запрос.

— Теперь там все бегают и ищут сбой.

— Это полезнее, чем не искать.

— Время решения подтянулось из старой карточки. Специалист уже объяснил.

— Из какой старой карточки?

Березин замолчал на долю секунды.

- Технической. Был предварительный материал по обращениям Чарова.
- С каким номером?
- Вера Андреевна, я не держу перед собой базу.
- Тогда пришлите постановление или хотя бы регистрационные данные. Если решение в 01:12 относилось к старому материалу, оно не должно было становиться решением по заявлению, зарегистрированному в 06:43.
- Именно поэтому я говорю о сбое.
- А я спрашиваю, какое реальное действие система отразила неправильно.
- Вы из каждого двуеточия сделаете заговор.
- Нет. Заговор трудно проверить. Номер, журнал и фамилию оператора — легко. Березин выдохнул в трубку.
- Приезжайте к трём. Будет специалист канцелярии. Осмотрим карточку официально, чтобы вы потом не рассказывали, будто мы что-то скрыли.
- С участием специалиста, с отражением истории изменений и источника переноса.
- Не командуйте следствием.
- Заявляю ходатайство. Письменное привезу.
- После разговора Максим поставил перед ней кофе.
- Он слишком быстро согласился.
- Значит, у него уже есть объяснение.
- Плохое?
- Удобное. Качество узнаем после проверки.
- До выезда Вера позвонила Ирине Павловне Ланской, руководителю бюро. Та выслушала краткий пересказ и спросила не о номере.
- В материалах убийства обращение Чарова каким образом оказалось?
- Пока только как основание конфликта. По версии следствия, он обвинял Николая в кражах и злоупотреблениях.
- А по твоей?
- У меня нет версии. Есть файл, который закрывает жалобы Чарова, назначает Николая виновным и дополняется сведениями до их фиксации.
- Это уже версия.
- Это три проверяемых обстоятельства.
- Ланская тихо усмехнулась.
- За это я тебя и ценю. И за это же когда-нибудь выставлю из кабинета. Кто подписал вчерашний запрос?
- Я.
- Ответ пришёл тебе, не в бюро?
- На официальный адрес бюро и в мой кабинет.
- Тогда оригинал сохрани на сервере, доступ ограничь. Ничего не пересылай в мессенджеры. Если выяснится, что сотрудники отдела вмешивались в регистрацию, пойдём с жалобой не только их начальству.
- Руднев и есть начальство.
- У любого начальства есть следующее.
- Ланская помолчала.
- Вера, одно предупреждение. Наш контракт на защиту по назначению пересматривают в конце квартала. Руднев входит в рабочую группу при палате. Это не повод отступать. Это повод не подарить ему ни одной неточной фразы.
- Понимаю.

— Нет, пока не понимаешь. Но поймёшь, когда он назовёт нашу жалобу попыткой сохранить контракт через скандал. Поэтому в документе не должно быть слова «фальсификация», пока у тебя нет человека, действия и умысла.

— Не будет.

— И не ходи одна.

К трём часам в следственном отделе их встретил не Березин, а Руднев. Начальник стоял у окна канцелярии, держа ладонь в кармане брюк. За стеклянной перегородкой женщина в синем жакете раскладывала на столе распечатки. На табличке у двери было написано: «Старший специалист Н. Е. Сомова».

— Адвокат Корнеева, — произнёс Руднев. — Вы заставили нас отложить половину работы ради лишнего нуля.

— Ноль в номере меня не беспокоит. Меня беспокоит решение до входящего.

— Решение не по входящему. Вам уже объяснили.

— Пока устно.

— Сейчас объясним под протокол. И закроем вопрос.

Слово «закроем» прозвучало у него как название операции. Руднев не повышал голос и не пытался казаться приветливым. Он говорил с уверенностью человека, для которого всякая процедура должна иметь конец, назначенный заранее.

Березин пришёл с ноутбуком и папкой дела. В тесном кабинете Сомовой поместились пять человек: сама специалист, следователь, Руднев, Вера и Максим. Оперативный сотрудник Крылов остался в коридоре. Его присутствие никто не объяснил.

Березин объявил начало осмотра информационной системы. Вера передала ходатайство и попросила приобщить утренний ответ канцелярии.

— Приобщи, — сказал он. — Но сразу предупреждаю: к обстоятельствам убийства это прямого отношения не имеет.

— Чаров убит через несколько часов после того, как в документе закрыли его жалобы. Затем в документ внесли имя будущего подозреваемого. Связь подлежит проверке.

— Не через несколько часов, — вмешался Руднев. — Никакие жалобы не закрывали. Готовили шаблон сводки.

Вера повернулась к нему.

— Тогда откуда в шаблоне фамилия Чарова и номера его участков?

— У нас десятки обращений. Типовая работа.

— И фамилия Николая Седых в 22:14 — тоже типовая?

— Он сторож кооператива. Его проверяли по кражам до убийства.

— Где зарегистрирован материал этой проверки?

Руднев посмотрел на Березина, словно ответ должен был содержаться в полномочиях следователя.

— Давайте по порядку, — сказал тот. — Наталья Евгеньевна, откройте карточку.

Сомова развернула монитор так, чтобы экран видели остальные. Карточка обращения содержала номер, фамилию Чарова, дату 16 сентября и время 06:43. Поле «способ поступления» было заполнено словом «лично».

— Кто принёс заявление? — спросила Вера.

— Дежурный передал пакет, — ответила Сомова. — Не заявитель лично. В системе это всё равно категория личного обращения, если бумага подписана гражданином.

— Во сколько пакет поступил в канцелярию?

— Около половины седьмого. Точное время — по журналу передачи.

— Покажите, пожалуйста.

Сомова открыла толстую тетрадь. На шестнадцатое сентября первой стояла запись: 06:38, пакет от дежурного, три документа. В графе содержания — «заявление Чарова Л. М., рапорт об обнаружении тела, сопроводительный лист». В графе получателя расписалась Сомова.

— Тело обнаружили ночью, — сказал Березин. — Дежурный собрал документы и утром передал.

— Само заявление когда поступило дежурному?

— Было найдено среди бумаг погибшего.

— Где именно?

— В папке на столе.

Вера открыла свою копию протокола осмотра кабинета. В перечне изъятого значились ноутбук, диктофон, синяя папка с протоколами собраний, два реестра и блокнот. Отдельного заявления не было.

— В протоколе осмотра заявление не указано.

Березин потянулся к папке.

— Оно находилось в синей папке.

— Тогда каким отдельным действием установили его содержание и извлекли из папки?

— При разборе изъятого.

— В какое время?

— После доставки в отдел.

— До 01:12?

Руднев вынул ладонь из кармана.

— Вы сейчас смешиваете два вопроса. В 01:12 никто не принимал решения по заявлению Чарова. Это значение перенеслось из карточки старого материала.

— Покажите старую карточку, — сказала Вера.

Сомова нажала несколько клавиш. На экране появилось окно истории связей. В нём была одна строка: «Источник — импорт». Номер источника отсутствовал.

— После миграции часть ссылок не отображается, — пояснила она. — Старый идентификатор есть в техническом журнале.

— Откройте журнал.

Сомова посмотрела на Руднева.

— У меня нет прав. Это через областного администратора.

— Когда запрашивали сведения у администратора?

— Сегодня в одиннадцать двадцать.

— Ответ получили?

— Пока нет.

Вера записала время. Значит, объяснение про старую карточку появилось раньше, чем отдел увидел технический источник переноса. Оно могло оказаться верным. Но пока это было не результатом проверки, а выбранной причиной.

— Прошу отразить, — сказала она, — что установить исходную карточку в ходе осмотра не удалось, ссылка отсутствует, технический журнал недоступен, запрос администратору направлен сегодня после получения адвокатского запроса.

Березин продиктовал секретарю почти дословно.

— А теперь, — сказал Руднев, — отразите, что специалист объяснила возможную причину.

— Возможную, — уточнила Сомова.

Он повернул к ней голову.

— Наталья Евгеньевна, вы сами говорили про миграцию.

— Про механизм переноса. Я не вижу, из какой карточки пришло это поле.

В тесном кабинете зашуршала страница журнала. Максим перестал печатать и поднял глаза.

— Запишите и это, — сказала Вера.

Руднев усмехнулся.

— Конечно. У вас детектив строится на том, что база не показывает старый номер.

— Защита никого не обвиняет из-за отсутствующего номера. Но вы уже назвали отсутствующий номер объяснением.

— Потому что я знаю, как работает отдел.

— Тогда вы помните старый материал. Когда его завели и по какому поводу?

— Чаров писал постоянно. Про сметы, кражи, доверенности, дороги. Мы объединяли обращения по существу.

— Какие из них касались Николая?

— Кражи с участков.

— Чаров называл его причастным?

— Проверка не была закончена.

— Но шаблон отчёта в 17:36 утверждал, что сведения не подтвердились, а в 22:14 уже называл Николая организатором доступа в пустые дома.

Березин закрыл папку сильнее, чем требовалось.

— Эти вопросы не относятся к осмотру карточки.

— Относятся к источнику поля «решение». Если решение перенесено из старого материала, содержание старого материала должно совпадать с тем решением, которое якобы переносили.

Сомова прокрутила карточку ниже. Под временем 01:12 стоял код результата: «направлено по подследственности». Получателем был указан тот же районный следственный отдел.

Максим наклонился к Вере и едва слышно сказал:

— Самим себе?

Она кивнула.

— Что означает направление по подследственности в тот же орган? — спросила Вера.

Сомова открыла справочник кодов.

— Обычно карточку передают из подразделения в подразделение. Например, из дежурной части в следственный отдел. На экране название учреждения одинаковое, внутренний индекс виден только в выгрузке.

— То есть 01:12 может быть временем передачи от дежурного следователю?

— Может. Но тогда должна быть запись в журнале дежурной части.

Руднев перебил:

— Или это старое значение. Мы ходим кругами.

— Нет, — сказала Вера. — У нас появилось два проверяемых объяснения вместо одного готового. Старый материал либо ночная передача. Оба оставляют след в разных журналах.

Крылов заглянул в дверь.

— Аркадий Петрович, вас там ждут.

— Подождут.

Руднев остался. Вера подумала, что обычный сбой базы не требовал бы присутствия начальника на всём осмотре. Но и это было лишь наблюдением, не доказательством.

Березин распечатал карточку и историю изменений. История начиналась в 06:43. Ни операции в 01:12, ни пользователя, который внёс поле, в ней не было. Сомова объяснила: перенесённые значения записываются как начальное состояние и не получают отдельной строки.

— Кто создал карточку в 06:43? — спросила Вера.

На экране стояла учётная запись Сомовой.

— Я, — сказала она. — По пакету из журнала.

— Вы вручную ставили 01:12?

— Нет. Поле уже заполнилось после выбора связанного материала.

— Как вы выбрали материал, если старый идентификатор не виден?

Сомова медленно повернула к себе клавиатуру.

— В сопроводительном листе был штрихкод.

— Сам лист сохранился?

Березин раскрыл дело и вынул одну страницу. Вверху был штрихкод, ниже — фамилия Чарова и пометка «к материалу». Номер напечатан не был. В правом нижнем углу стояло время: 00:47.

Вера почувствовала, как все присутствующие одновременно перестали двигаться.

— Этот лист сформирован в сорок семь минут первого? — спросила она.

— Так показывает шаблон, — сказал Руднев.

— Шаблон времени не ставит. Это делает система или пользователь.

— Дежурный мог сформировать лист при приёме предметов.

— Тогда в 00:47 уже существовал связанный материал, — сказала Вера. — За пятнадцать минут до того, как Николай закончил подписывать явку, и до регистрации заявления утром.

Березин посмотрел на лист так, словно видел время впервые.

— Мы установим, кто его распечатал.

— Прошу изъять сведения очереди печати, журнал формирования штрихкода и журнал дежурной части. А оригинал листа хранить так, чтобы на нём не печатали отметок.

— Вы нам ещё расскажите, как хранить дело.

— Я заявляю ходатайство о сохранении цифровых следов, которые могут быть утрачены по сроку хранения.

Сомова тихо сказала:

— Очередь печати у нас семь дней.

Руднев взглянул на неё, но возражать не стал.

Осмотр закончился в 17:08. В протокол вошли отсутствующая ссылка на старую карточку, недоступность технического журнала, код внутренней передачи, штрихкод и время 00:47. Не вошёл вывод, что кто-то заранее создал материал против Николая. Вера такого вывода не предлагала.

Перед подписанием она внесла замечание: специалист не подтвердила перенос именно из старой карточки, а назвала его возможным механизмом. Березин прочитал, поморщился и оставил замечание без сокращений.

В коридоре Руднев догнал их у лестницы.

— Вы получили свои цифры. Теперь послушайте меня. Седых признался не потому, что кто-то написал отчёт. Он знал детали, которых не мог знать посторонний.

— Какие?

— Положение тела. Дверной ограничитель. Время.

— Положение тела он мог знать, если нашёл Чарова. Ограничитель появился в служебном файле раньше, чем в протоколе осмотра. А время пока имеет интервал в час.

— Вы защищаете человека, который покрывает воров.

— Если он покрывает воров, это нужно доказывать отдельно. Убийцей его это не делает.

— Такая чистота бывает только в учебниках.

— Нет. В учебниках как раз любят одну правильную версию. В деле обычно приходится разделять несколько неправильных поступков разных людей.

Руднев приблизился на шаг, не угрожая, а словно уменьшая расстояние для служебной беседы.

— Ваше бюро много лет получает назначения из этого отдела. Ланская понимает, что работа строится на доверии.

— Доверие не заменяет протокол.

— Но определяет, кого зовут ночью, когда нужен защитник, способный не устраивать представление.

Максим перестал спускаться. Вера не обернулась к нему.

— В два семнадцать позвонили мне, — сказала она. — Явку закончили оформлять в ноль пятьдесят две. Если вы называете это доверием, нам действительно нужно проверить, как оно работает.

Руднев посторонился.

— Проверяйте. Только не удивляйтесь последствиям.

На улице Максим спросил:

— Это была угроза контракту?

— Это была фраза без названного действия. Запиши точно.

— А вы?

— Я сообщу Ланской.

Они сели в машину, но Вера не завела двигатель. На коленях лежала копия сопроводительного листа. Штрихкод превращал разговор о шаблоне в маршрут документа. В 00:47 система уже знала, к чему привязать бумагу Чарова. В 01:12 отметила внутреннюю передачу или чужое старое решение. В 06:43 Сомова создала входящий. Между этими точками были люди и журналы.

— Нулевой входящий, — сказал Максим.

— Что?

— Материал есть, а заявления ещё нет. Как письмо без отправителя.

— Отправитель был. Мы пока не знаем, кто им стал вместо Чарова.

Она позвонила дежурному адвокату из соседнего бюро, который ночью видел коридор отдела. Не спрашивала о содержании чужих дел — только о том, кто находился у принтера и когда. Он вспомнил Крылова с пачкой листов около часа ночи и Руднева, вышедшего из кабинета раньше, чем привезли понятых. Точного времени он не знал, готов был сообщить это официально и не больше.

Вера поблагодарила и записала предел его памяти. Свидетель, который честно не помнил минуту, был полезнее уверенного человека, подгоняющего часы под нужный ответ.

В офисе она составила три ходатайства. Первое — о сохранении очереди печати и журнала штрихкодов. Второе — об осмотре журнала дежурной части и установлении операции в 01:12. Третье — об истребовании ответа областного администратора по исходной карточке. Ни в одном не было слова «подлог».

Максим сверял приложения.

— Если выяснится, что это правда старый материал, мы потеряем целый день.

— Нет. Узнаем, что поле объяснимо.

— А отчёт всё равно останется.

— Останется его история версий. Не надо, чтобы каждая улика доказывала всё дело. Иначе мы начнём защищать любимую догадку так же, как Руднев защищает готовый результат.

Пришло письмо от Сомовой. Областной администратор ответил быстрее ожидаемого: исходный идентификатор принадлежал не старой жалобе Чарова, а новой временной карточке, созданной в 00:41 шестнадцатого сентября. Создатель — учётная запись дежурной части. Основание создания — «устное сообщение сотрудника».

К письму была приложена техническая выгрузка. В ней не значилось имени сотрудника. Зато были две операции: в 00:47 сформирован сопроводительный лист, в 01:12 карточка направлена в следственный отдел. Утром её объединили с бумажным заявлением Чарова, найденным среди изъятых документов.

Максим прочитал выгрузку дважды.

- Значит, Руднев соврал про старую карточку.
- Он назвал объяснение до проверки. Возможно, считал его верным.
- Вы серьёзно оставляете ему это «возможно»?

— Пока да. Но теперь у нас есть вопрос, на который должен отвечать не сервер: какой сотрудник в 00:41 устно сообщил о заявлении Чарова и что именно он сообщил.

Она положила выгрузку рядом с пятистраничным отчётом. В 00:29 в отчёте уже появился дверной ограничитель. Через двенадцать минут возникла временная карточка. Ещё через шесть — лист со штрихкодом. В 00:52 Николай закончил подписывать признание. В 00:58 отчёт назвал его виновным. В 01:12 материал передали туда, где результат уже был написан.

Хронология не доказывала убийство и не называла убийцу. Она показывала другое: дело не закрыли раньше, чем начали. Его начали с конца.

Глава 7. Чужие фразы

Признание Николая занимало три страницы. Вера читала их четвёртый раз и всё меньше слышала его голос.

«Проследовал в помещение правления». «На почве внезапно возникших неприязненных отношений». «Использовал находившийся у двери металлический ограничитель». Николай говорил иначе. Он входил, ругался, хватал то, что лежало. Вместо «помещения правления» у него было «контора», вместо «металлического ограничителя» — «эта железка у двери», причём впервые он произнёс эти слова уже после того, как Вера показала ему фотографию.

Юридические обороты сами по себе ничего не доказывали. Протокол всегда проходил через язык того, кто печатал. Но факты не должны были приходиться к допрашиваемому из документа, который ещё составлялся в другом месте.

Максим принёс копии в прозрачных файлах: явку Николая, протокол осмотра кабинета и служебный отчёт. На столе они лежали как три слоя одного текста.

— Я прогнал совпадения, — сказал он. — Не просто слова, а последовательности от четырёх слов. Вот.

Он положил распечатку с подчёркиваниями. Фраза «металлический ограничитель двери со следами вещества бурого цвета» повторялась дословно в явке и в черновике протокола осмотра. В окончательном протоколе к ней добавили размеры. В служебном отчёте формулировка возникла в 00:29.

— Когда эту строку внесли в протокол осмотра? — спросила Вера.

— Нам дали только бумажную копию. Время начала — ноль двадцать, окончания — два сорок. Кто и когда печатал отдельные абзацы, не видно.

— Осмотр шёл на месте?

— Судя по протоколу, да. Ноутбук специалиста указан в технических средствах.

— Тогда нужна история файла с этого ноутбука и журнал фотографий. Ограничитель могли увидеть в ноль двадцать одну, а записать позже. Это не то же самое, что отчёт до осмотра.

Максим сел напротив.

— А явку печатали в отделе с ноль тридцати пяти.

— Одновременно с осмотром. Значит, формулировка могла уйти с места по телефону.

— Или наоборот.

— Именно. Пока направление передачи неизвестно.

Вера взяла второй лист. В явке было: «Чаров лежал на левом боку лицом к окну». В первичном черновике протокола осмотра, копию которого Березин выдал случайно вместе с материалами для суда, стояло: «тело расположено преимущественно на животе, голова обращена к окну». В окончательной версии: «на левом боку с поворотом туловища на живот, лицом в сторону оконного проёма».

Признание совпадало не с первой фиксацией, а с поздней редакцией.

— Время сохранения черновика? — спросила она.

— Один четырнадцать.

— Явка закончена в ноль пятьдесят две.

— Поэтому я и принёс.

Максим ждал одобрения. Вера вместо этого спросила:

— Откуда копия черновика?

— В приложении к протоколу осмотра истории отчёта. Они экспортировали папку целиком, там был временный файл.

— Мы вправе его использовать в ходатайстве, но сначала зафиксируем происхождение. Хэш, носитель, номер страницы приложения. И не называй его черновиком протокола как установленный факт. Это файл с совпадающим названием и содержанием.

— Вы когда-нибудь просто радуетесь находке?

— После того как проверю, что мы нашли её, а не она нас.

Они составили таблицу без выводов: фраза, документ, время, доступный источник времени, различия. Строк оказалось девять. Четыре были канцелярскими и ничего не значили. Две описывали общие обстоятельства, которые Николай мог видеть сам. Три требовали объяснения: точное положение тела, ограничитель и формулировка о «двукратном нанесении ударов».

Последняя была опаснее остальных. Предварительное заключение эксперта пока говорило о двух повреждениях головы, но не утверждало, что оба причинены ударами. Одно могло возникнуть при падении. В явке Николай признавал два удара. Вера помнила, как он объяснял это в комнате защитников: Крылов поднял два пальца и сказал, что эксперт всё равно посчитает.

Слово против слова, если нет записи.

Березин ответил на ходатайство через час. Защите разрешали ознакомиться с видеозаписью «проверочной беседы и добровольной явки» в следственном отделе. Формулировка была неправильной уже потому, что никакой процессуальной «проверочной беседы» закон не знал. Но важнее было другое: запись существовала.

В кабинете следователя стоял отдельный монитор. Березин вставил диск, указанный в приложении к явке. На экране появился коридорный угол комнаты: стол, стул Николая, край шкафа. Час внизу показывал 00:31:08.

— Запись непрерывная? — спросила Вера до запуска.

— Как поступила от оперативного сотрудника.

— Это не ответ.

— Файл один.

— Один файл может содержать разрыв.

— Посмотрите сначала.

Крылов вошёл в кадр, поставил перед Николаем стакан воды и сел за компьютер. Звuka не было.

— Почему без звука? — спросил Максим.

Березин проверил значок динамика.

— Камера пишет видео без аудио.

— Тогда она не фиксирует содержание явки, — сказала Вера.

— Фиксирует отсутствие давления.

— Без звука она не фиксирует угрозы, обещания и подсказки.

— Зато видно, что его не били.

Вера не ответила. Отсутствие побоев не превращало признание в добровольное. Но и немая запись могла сохранить порядок действий.

В 00:33 Крылов положил на стол несколько листов. Николай не читал их, смотрел в сторону двери. В 00:35 оперативник начал печатать. В 00:38 вошёл Руднев. Он встал за спиной Николая, что-то сказал, затем показал рукой на стол. Николай ответил коротко. Руднев поднял два пальца.

Максим сделал вдох.

— Вот.

— Отметь время, — сказала Вера.

В 00:39:17 изображение замерло. Счётчик проигрывателя продолжил движение, а часы внутри кадра перескочили на 00:46:52. Николай сидел уже иначе: локти на столе, перед ним лежала первая распечатанная страница.

— Стоп, — сказала Вера.

Березин остановил.

— Семь минут тридцать пять секунд отсутствуют.

— Камера могла потерять сигнал.

— Тогда почему файл один и счётчик не показывает пропуска?

— Не знаю технических особенностей.

— Прошу осмотреть свойства исходного файла и носитель, с которого его копировали.

Березин нахмурился.

— Диск приобщён. Исходник у оперативного подразделения.

— В постановлении об ознакомлении вы назвали запись видеозаписью явки. Сейчас выяснилось, что она без звука и с разрывом. Это требует проверки до любых выводов о добровольности.

— Проверим.

Они продолжили. В 00:48 Крылов развернул первую страницу к Николаю и провёл пальцем по нижней строке. Тот подписал, не перелистывая. В 00:50 таким же образом подписал вторую. Третью прочитал дольше, зачеркнул одно слово и написал над ним другое. Максим увеличил кадр. Разобрать исправление было нельзя.

На бумажной копии в этом месте фраза звучала: «нанёс два удара». Над строкой не было ни исправления, ни заверяющей подписи.

— Покажите оригинал явки, — сказала Вера.

Березин достал документ из тома. На третьей странице действительно виднелась тонкая линия между словами. Под увеличительным стеклом она оказалась не зачёркиванием, а следом от скрепки или царапиной. Николай на записи писал ниже, в области замечаний. На оригинале поле было пустым.

— Лист заменили? — тихо спросил Максим.

— Не делай вывод, — ответила Вера.

Она попросила вернуться на несколько секунд назад. Николай писал на маленьком отдельном листке, лежавшем поверх страницы, затем Крылов убрал его за клавиатуру.

— Что это за лист? — спросила Вера.

Березин посмотрел внимательнее.

— Не могу сказать.

— В приложениях его нет.

— Возможно, образец подписи.

— Образец подписи берут и оформляют отдельно. Здесь он что-то писал после чтения текста. Прошу установить, что стало с листом.

В 00:52 Крылов собрал страницы. Николай потянулся за стаканом, но тот был пуст. Запись продолжалась до 00:54, затем закончилась обычным образом. Адвоката вызвали в 02:17.

Вера попросила скопировать файл на носитель защиты с контрольной суммой. Березин согласился после звонка прокурору. Пока считалась копия, Максим сравнивал временные метки.

— Разрыв заканчивается до временной карточки в ноль сорок одну, — сказал он.

— Часы камеры могут отличаться.

— На сколько?

— Установим. Сверим момент входа Руднева с журналом пропусков или звонком. Не соединяй системы без привязки.

Березин услышал.

— Вы всё равно будете утверждать, что Руднев диктовал признание.

— Я буду утверждать только то, что видно: он присутствовал, хотя в явке это не отражено, показывал два пальца перед фрагментом текста о двух ударах, а семь с половиной минут записи отсутствуют.

— Жест может означать что угодно.

— Поэтому нужна запись со звуком или показания участников.

— Седых скажет то, что ему выгодно.

— А Крылов?

— Он сотрудник, выполнявший работу.

— Это не делает его слова ни истинными, ни ложными. Просто проверяемыми.

Копирование закончилось. Вера подписала протокол ознакомления с замечаниями об отсутствии звука, разрыве, присутствии Руднева и неустановленном листке. У дверей Березин задержал её.

— Вы правда думаете, что я подменял файл?

— Нет.

Ответ оказался для него неожиданным.

— Тогда к чему всё это?

— Я думаю, вы получили готовую запись и не проверили её. Так же как получили готовый отчёт и не проверили, кто пользовался вашей учётной записью.

— У меня убийство, задержанный с кровью и признанием. В первые часы никто не проводит экспертизу каждого файла.

— В первые часы вы обязаны сохранять исходники. Иначе экспертизе потом нечего исследовать.

— Вам легко рассуждать после события.

— Я здесь потому, что вы хотите использовать запись как подтверждение добровольности. Если она для вас доказательство — обращайтесь с ней как с доказательством, а не как с иллюстрацией.

На парковке Максим открыл свойства полученного файла. Дата создания была сегодняшняя, потому что диск подготовили к ознакомлению. Полезных метаданных почти не осталось.

— Нужен исходник, — сказал он.

— И устройство записи, сведения об экспорте, журнал событий. Ходатайство сегодня.

— А если они откажут?

— Обжалуем и просим экспертизу носителя.

Телефон Веры показал сообщение из изолятора: Николая разрешат увидеть завтра в девять. Она написала Ланской о результатах просмотра и получила короткий ответ: «Фиксируй. Не спорь через прессу».

Вечером они вернулись к таблице фраз. Теперь рядом с каждой появилась четвёртая колонка — момент, когда соответствующий факт мог быть произнесён в комнате.

Ограничитель: неизвестно, запись прервана.

Два удара: жест Руднева до распечатки, звук отсутствует.

Положение тела: текст в явке совпадает с поздней редакцией файла осмотра, созданной после окончания явки.

— Последнее самое сильное, — сказал Максим.

— Если время файла надёжно.

— Оно системное.

— На экспортированной копии. Нужен исходный ноутбук специалиста или журнал синхронизации.

Максим откинулся на стуле.

— Иногда кажется, что доказательство существует только после того, как его проверили со всех сторон. До этого это просто предмет.

— Так и есть.

— А признание?

— Тоже предмет. Бумага с чужими словами и подписью Николая. Нам нужно установить, какие слова были его.

На следующий день Николая привели в комнату свиданий сонным и небритым. Он сел, посмотрел на Веру через стекло и первым спросил:

— Машину нашли?

— Проверяем. Сегодня о признании. Руднев показывал два пальца. Что он сказал?

Николай потёр ладони.

— Сказал, два раза ударил. Я сказал, один. Он: эксперт два насчитает, не спорь из-за ерунды.

— Вы видели, как Чаров получил хотя бы один удар?

— Нет. Я его уже на полу увидел.

— Почему согласились на два?

— Они сказали, если буду путаться, поедут в восемьдесят четвёртый. Всех вытащат. Сначала за кражи, потом за документы.

— Кто сказал?

— Руднев. Когда камера погасла.

— Вы видели, что она погасла?

— Лампочка над дверью перестала мигать. Крылов сказал: память кончилась. Потом что-то нажал.

— Что вы писали на отдельном листке после третьей страницы?

Николай долго смотрел на неё.

— Что не согласен про два удара.

— Где лист?

— Крылов сказал, приложит. Я написал: «Удара не помню, подписал со слов». Он прочитал и спросил Руднева. Тот сказал, это не замечание, а отказ от явки. Тогда пусть выбираю: или подписываю нормально, или они прямо сейчас едут к ребятам.

— Вы можете описать лист?

— Половинка обычного. Сверху что-то было напечатано, оборот чистый. Я на обороте писал.

— Ручка?

— Синяя, Крылова. Она заедала. Первую букву два раза обводил.

Подробность могла быть настоящей памятью, а могла возникнуть за ночь размышлений. Вера записала её без оценки.

— Почему не сказали мне в первую встречу?

— Сказал, что меня заставили.

— Про лист не сказали.

— Я думал, он в бумагах. Вы же адвокат, вам всё дают.

Вера почти ответила, что защите дают далеко не всё. Но Николай не нуждался в объяснении системы. Ему требовался точный вопрос.

— Кто первым произнёс про дверной ограничитель?

— Крылов. Сказал: взял железный упор у двери. Я спросил, какой упор. Он показал фотографию в телефоне.

— На фотографии было тело?

— Кусок пола, дверь и железка. С красным.

— Время на телефоне видели?

— Нет.

— Кто прислал снимок?

— Не знаю. Он сверху выскочил, Крылов открыл.

— Имя отправителя?

— Не разглядел.

— Что было до разрыва записи?

— Руднев зашёл и спросил, кого я прячу. Я молчал. Он сказал выключить камеру, потому что «сейчас без протокола». Потом говорил про ребят.

— Крылов выключил?

— Нажал что-то у шкафа.

Вера попросила Николая повторить всё с начала, не подсказывая порядок. Во второй версии он переставил две реплики, но сохранил действия: два пальца, погасший индикатор, фотография, отдельный лист. Расхождение она тоже записала.

— Я дам письменное объяснение? — спросил он.

— Мы заявим о допросе с моим участием и о проверке записи. Сейчас составим адвокатский опрос, но я не буду обещать, что следователь примет ваши слова без проверки.

— Он ничего не примет.

— Тогда останутся ходатайство, жалоба и суд. Но сначала — исходный файл и лист.

Николай наклонился к стеклу.

— Лист они выбросили.

— Возможно. А возможно, он остался в черновиках, корзине у стола, папке Крылова или был отсканирован. Не решайте за них, что след исчез.

После встречи Вера получила уведомление: Березин удовлетворил ходатайство частично. Исходную запись изымут у оперативного подразделения и назначат компьютерно-техническое исследование. В осмотре ноутбука специалиста пока отказано, поскольку он использовался в других делах. Лист с замечанием Николая в материалах не обнаружен; Крылову предложено дать объяснение.

Под постановлением стояло время 08:54 — за шесть минут до начала свидания. Березин принял решение до того, как услышал новые подробности.

Это ещё не означало, что он отказывался проверять. Исходник он всё-таки запросил. Но привычка отвечать раньше вопроса оказалась в отделе не случайностью одного файла. Она была способом работы.

Вера открыла новое ходатайство и написала заголовок: «О приобщении сведений, полученных после вынесения постановления».

На этот раз дело опередило не только заявление. Оно попыталось опередить память человека, чьи слова уже переписали за него.

Глава 8. Три ключа

В ходатайстве о ключах слово «ключ» встретилось двадцать семь раз, и ни разу не означало одно и то же.

Был электронный пропуск Николая, которым он открывал калитку. Была карта Ларисы Ветлугиной, оставившая в журнале отказ. Был механический ключ от двери правления — плоский, с синим пластиковым навершием. И был мастер-ключ, способный открыть правление, кладовую, электрощитовую и сторожку, если засов не заперт изнутри.

Именно мастер-ключ, по версии обвинения, нашли в кармане Николая.

Вера разложила копии протоколов на столе и провела карандашом три вертикальные черты.

— Первый экземпляр, — сказала она. — Сторожевой. Изъят у Николая.

Максим записал номер бирки.

— Второй — председательский. Где он?

— В сейфе Чарова его не нашли. Березин ответил, что местонахождение устанавливается.

— Третий?

— Уничтожен два года назад. Вот акт.

Акт занимал половину листа. Комиссия из трёх человек удостоверяла, что мастер-ключ с номером, нанесённым несмываемым маркером, «приведён в негодность и утилизирован». Способ не указан. Причина — сокращение числа лиц, имеющих доступ. Подписи принадлежали тогдашнему председателю кооператива, электрику и управляющей Ветлугиной.

— Номер на изъятном у Николая есть? — спросила Вера.

— В протоколе не указан. На фотографии вижу синее навершие, царапины и белую точку. Маркером ничего не написано.

— Значит, пока мы знаем не то, какой экземпляр изъят, а только у кого.

Максим посмотрел на три колонки.

— Если ключи одинаковые, разве можно отличить один от другого?

— Заводские заготовки — иногда по следам изготовления. Рабочие экземпляры — по износу, дефектам, поздним меткам. Но сначала нужно доказать, сколько их сделали и кому выдали.

В папке кооператива лежала копия договора с мастерской «Замок-сервис». Пять лет назад там заменили цилиндры в четырёх дверях и изготовили «комплект ключей согласно ведомости». Ведомости не было.

Телефон мастерской отвечал длинными гудками. На сайте последняя новость датировалась прошлой весной. Максим нашёл адрес — ряд павильонов возле автостанции — и уже потянулся за курткой.

— Сначала запрос, — остановила его Вера. — Потом разговор. Нам нужны сведения, происхождение которых можно показать.

— Пока письмо дойдёт, они выбросят старые журналы.

— Поэтому отвезёшь адвокатский запрос лично и получишь отметку на копии. Спросишь, готовы ли они добровольно сохранить документы до ответа. Никаких требований показывать тебе журнал на месте.

— Я помню.

— После вчерашнего я обязана повторять.

Он замер, потом кивнул. Вера поняла, что сказала жёстче, чем требовалось. Но извинение, данное вместо ясного правила, оставило бы между ними лишнюю неопределённость.

— Это не недоверие к тебе, — добавила она. — Это способ не превратить полезную находку в спор о том, как мы её получили.

— Понял.

Запрос они составили на одну страницу: договор, количество изготовленных экземпляров, тип заготовок, маркировка, сведения о дубликатах и последующих обращениях. Отдельно попросили сохранить журналы заказов и видеозаписи, если они ещё существуют. Пять лет для записи с камеры было смешным сроком, но журнал мог уцелеть.

Второй запрос ушёл Березину: предъявить защите ключ, назначить трасологическое исследование, истребовать оригинал акта об уничтожении и допросить подписавших его лиц. Вера не писала, что акт ложный. Пока он был только неполным.

Третье письмо предназначалось правлению «Сосен». Перечень оказался длиннее: журнал выдачи, положение о доступе, сметы на замену замков, платёжные поручения мастерской, внутренние переписки об утрате или копировании ключей.

— Они же ответят, что журнал затопило, — сказал Максим.

— Пусть ответят письменно. Затопленный журнал не уничтожает банковский платёж, переписку и память тех, кто им пользовался.

У входа в «Сосны» шлагбаум уже поднимался быстрее. Белая стрела была обмотана красно-белой лентой, свежий сдир на ней темнел под прозрачной плёнкой. Рядом стоял новый металлический столбик с камерой.

— Быстро поставили, — сказал Максим.

— После убийства камеры покупают охотнее, чем до него.

В сторожке дежурил не Николай, а сухой мужчина в камуфляжной жилетке. Он потребовал записать номера паспортов и позвонил Ветлугиной. Через минуту шлагбаум поднялся.

Правление днём выглядело меньше, чем на фотографиях осмотра. На окнах висели поло-сатые жалюзи, в приёмной пахло влажной бумагой и дешёвым кофе. Дверь кабинета, где нашли Чарова, была опечатана. На стене рядом остались светлые прямоугольники от снятых объявлений.

Лариса Ветлугина вышла из бухгалтерии с папкой, прижатой к груди. На ней был серый костюм без единой складки. После прошлой встречи она убрала волосы, и лицо казалось строже.

— Я получила ваш запрос по электронной почте, — сказала она. — Могли не приезжать.

— Мы привезли бумажный экземпляр. Поставьте входящий номер на копии.

— У нас не государственная канцелярия.

— Но входящие документы вы учитываете. На суде вы показывали журнал.

— Следовательно, не вам.

Вера положила запрос на стойку приёмной.

— Вы можете принять его, отказаться или ответить в предусмотренный срок. Мне важно зафиксировать ваш выбор.

Ветлугина посмотрела на Максима, будто он мог предложить более удобную версию разговора.

— Света сегодня не вышла. Я сама не обязана штамповать бумаги.

— Достаточно даты, подписи и фамилии.

— Оставляйте.

— На копии.

Лариса раскрыла папку, достала ручку и написала: «Получено 11:42, Ветлугина Л. С.». Ручка была красная. Вера невольно вспомнила системную подпись в истории отчёта: «ЛВ красная».

Совпадение цвета ничего не доказывало. Красных ручек в правлениях было больше, чем исправных принтеров.

— Раз уж вы приехали, объясните, зачем вам счета пятилетней давности, — сказала Ветлугина.

- Чтобы установить количество ключей.
- Три. Это есть в акте.
- А сколько осталось после уничтожения третьего?
- Два.
- Где находился ключ Чарова?
- У Льва Петровича.
- Сейчас где?
- Откуда мне знать? Следователь всё изъяс.
- В протоколе кабинета и сейфа его нет.
- Лариса сжала папку чуть сильнее.
- Значит, Чаров потерял. Он в последние месяцы терял не только вещи.
- Вы сообщали о потере ключа?
- Я не знала, что он потерял.
- Тогда почему сказали «значит, потерял», а не «ключ должен быть у него»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.